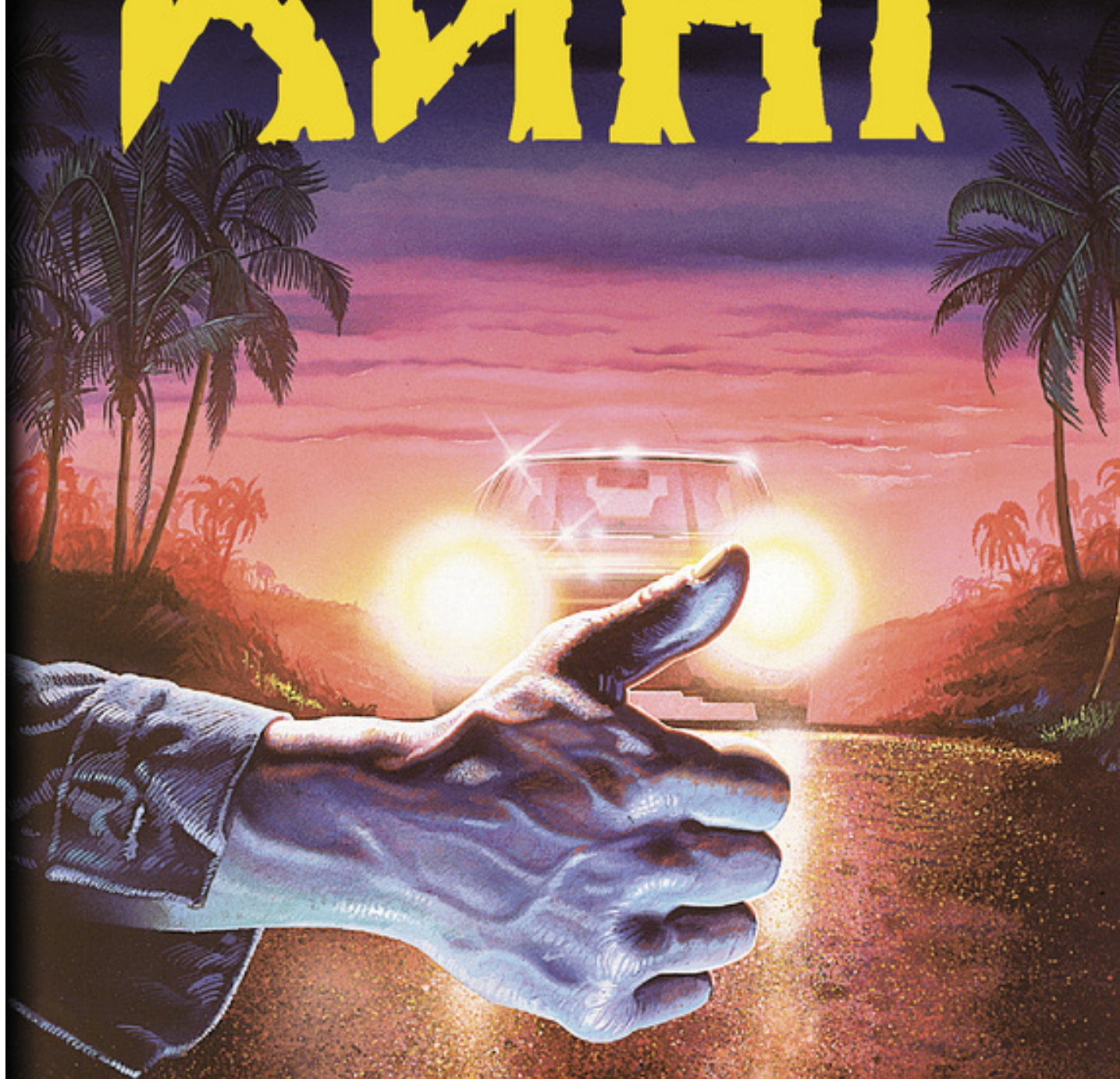

СТИВЕН КИНГ

Бегущий человек
Худеющий

Темная Башня

Стивен Кинг

**Бегущий человек.
Худеющий (сборник)**

«АСТ»

1982, 1984

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

Бегущий человек. Худеющий (сборник) / С. Кинг — «АСТ»,
1982, 1984 — (Темная Башня)

ISBN 978-5-17-064303-5

...Хотите заработать?! Отлично! Тогда примите участие в игре «Бегущий человек» – в шоу современных гладиаторов, где слабые просто не доживают до финала... Довольный жизнью адвокат из маленького городка сбил машиной старуху из цыганского табора – и не понес наказания за содеянное. Тогда «цыганский барон» покарал его сам – и покарал так, что смерть в сравнении с этим проклятием была бы милостью... Романы, вошедшие в этот том, объединяет то, что все они – части колоссальной литературной мистификации Кинга, приписавшего их творческому наследию якобы «непризнанного при жизни» и «случайно открытого им» гениального писателя Ричарда Бахмана...

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-064303-5

© Кинг С., 1982, 1984

© АСТ, 1982, 1984

Содержание

Бегущий человек	7
...Минус 100, отсчет идет...	7
...Минус 099, отсчет идет...	9
...Минус 098, отсчет идет...	11
...Минус 097, отсчет идет...	13
...Минус 096, отсчет идет...	14
...Минус 095, отсчет идет...	15
...Минус 094, отсчет идет...	18
...Минус 093, отсчет идет...	19
...Минус 092, отсчет идет...	20
...Минус 091, отсчет идет...	23
...Минус 090, отсчет идет...	25
...Минус 089, отсчет идет...	27
...Минус 088, отсчет идет...	29
...Минус 087, отсчет идет...	31
...Минус 086, отсчет идет...	34
...Минус 085, отсчет идет...	35
...Минус 084, отсчет идет...	36
...Минус 083, отсчет идет...	37
...Минус 082, отсчет идет...	38
...Минус 081, отсчет идет...	41
...Минус 080, отсчет идет...	43
...Минус 079, отсчет идет...	45
...Минус 078, отсчет идет...	46
...Минус 077, отсчет идет...	48
...Минус 076, отсчет идет...	49
...Минус 075, отсчет идет...	50
...Минус 074, отсчет идет...	52
...Минус 073, отсчет идет...	53
...Минус 072, отсчет идет...	55
...Минус 071, отсчет идет...	56
...Минус 070, отсчет идет...	58
...Минус 069, отсчет идет...	59
...Минус 068, отсчет идет...	61
...Минус 067, отсчет идет...	62
...Минус 066, отсчет идет...	63
...Минус 065, отсчет идет...	65
...Минус 064, отсчет идет...	66
...Минус 063, отсчет идет...	69
...Минус 062, отсчет идет...	72
...Минус 061, отсчет идет...	74
...Минус 060, отсчет идет...	75
...Минус 059, отсчет идет...	76
...Минус 058, отсчет идет...	77
...Минус 057, отсчет идет...	78
...Минус 056, отсчет идет...	80

...Минус 055, отсчет идет...	83
...Минус 054, отсчет идет...	84
...Минус 053, отсчет идет...	85
...Минус 052, отсчет идет...	87
...Минус 051, отсчет идет...	89
...Минус 050, отсчет идет...	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Стивен Кинг

Бегущий человек. Худеющий

Richard Bachman

(Stephen King)

THE RUNNING MAN

THINNER

© Stephen King, 1982

© Richard Bachman, 1984

© Перевод. В.А. Вебер, 2001

© Перевод «Кэдмэн», 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Бегущий человек

...Минус 100, отсчет идет...

В белом свете, падающем из окна, она всмотрелась в градусник. За ее спиной, под моросящим дождем, другие дома Ко-Оп-Сити высились словно серые тюремные башни. Ниже, в узком колодце между стенами, качались на ветру веревки с выстиранными обносками. В кучах мусора рылись крысы, не обращая внимания на разожравшихся дворовых котов.

Она взглянула на мужа. Тот сидел за столом, вперившись в экран фри-ви. Теперь он не отрывался от экрана неделями. Что-то в нем изменилось. Раньше-то он не жаловал фри-ви, просто ненавидел. Разумеется, в каждой квартире Развития стоял фри-ви, так требовал закон, но его не запрещалось выключать. Законопроект об обязательных благах 2021 года провалился, недобрав шести голосов до необходимых двух третей. И прежде они никогда не смотрели фри-ви. А вот после того как Кэти заболела, он увлекся викторинами и играми, сулившими победителям крупные выигрыши. Ее это пугало.

Вопли комментатора, выкрикивающего в перерыве последние новости, перемежались хриплыми стонами Кэти.

- Она совсем плоха? – спросил Ричардс.
- Да нет, не очень.
- Не ври!
- У нее сто четыре¹.

Его кулаки с силой опустились на стол. Пластмассовая тарелка подскочила и полетела на пол.

– Мы вызовем врача. Не надо так волноваться. Послушай... – затараторила она, чтобы отвлечь его, но он уже повернулся и вновь уставился на экран. Перерыв закончился, игра продолжилась. Не из крупных, разумеется, дешевое дневное шоу под названием «Денежное колесо». В участники брали только хроников, с больными сердцем, печенью, легкими, иной раз калек – для смеха. За каждую минуту, которую игрок продержался на вращающемся в нескольких плоскостях колесе (поддерживая непрерывный диалог с ведущим), он получал десять долларов. Раз в две минуты ведущий задавал Премияльный вопрос, имеющий непосредственное отношение к профессии игрока (в данный момент на колесе крутился историк из Хакенсака с шумом в сердце). Ответ приносил пятьдесят долларов. Если же игрок с идущей кругом головой, задыхающийся, с сердцем, выделяющим в груди немыслимые кульбиты, пропускал вопрос, пятьдесят долларов вычитались из его выигрыша, а скорость вращения возрастала.

– Мы выкрутимся, Бен. Выкрутимся. Точно. Я... я...

– Что ты? – Он мрачно глянул на нее. – Пойдешь на панель? Хватит, Шейла. Ей нужен настоящий врач, а не местная бабка с грязными руками, от которой разит виски. И современное медицинское оборудование. И у нее все будет!

Он пересек комнату, косясь на экран фри-ви, висевшего над раковиной. Сдернул с крюка дешевую куртку из грубой джинсы, раздраженно, резкими движениями натянул на себя.

– Нет! Нет, я... тебе не разрешаю. Ты не пойдешь...

– Почему нет? В худшем случае ты получишь несколько старобаксов как мать-одиночка. Так или иначе, ты сможешь за ней приглядеть.

¹ По принятой в Америке шкале Фаренгейта, что соответствует 40 градусам по Цельсию. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Она никогда не ходила в красавицах, а за те несколько лет, что муж не работал, совсем усохла, но тут как по мановению волшебной палочки превратилась в красивую... и властную женщину.

– Я скорее навру чиновнику, когда он придет сюда, и пошлю его прочь с кровавыми деньгами в кармане. И никому не заставить меня взять деньги за мужа.

Он повернулся к ней, мрачный, суровый, обладающий особыми качествами, отличающими его от общей массы, невидимыми для окружающих, но хладнокровно просчитанными Сетью. Для настоящего он – динозавр. Не очень большой, но не такой, как все. Выделяющийся – помеха. Может, даже опасность. Большие облака собираются вокруг маленьких частичек-конденсаторов.

Он указал на спальню.

– Как насчет того, чтобы зарыть ее в безымянной могиле? Тебя это устроит?

Волна печали и безысходности захлестнула ее. Лицо сморщилось, потекли слезы.

– Бен, именно этого они и хотят от таких, как мы, как ты...

– Может, они меня не возьмут. – Он открыл дверь. – Может, такие, как я, им и не подходят.

– Если ты сейчас уйдешь, они тебя убьют. А я буду на это смотреть. Ты хочешь, чтобы я смотрела, пока она будет лежать в соседней комнате? – Слова едва прорывались сквозь всхлипывания.

– Я хочу, чтобы она жила. – Он попытался закрыть дверь, но Шейла успела всунуться в щель.

– Тогда поцелуй меня, прежде чем уйдешь.

Он поцеловал. Открылась соседняя дверь, из нее высунулась миссис Дженнер. Пахло копченым мясом и тушеной капустой, давно забытый, дразнящий, сводящий с ума аромат. Миссис Дженнер жилось неплохо. Работала она в местном пункте продажи дешевых наркотиков и практически безошибочно вылавливала поддельные кредитные карточки.

– Ты возьмешь деньги? – спросил Ричардс. – Не выкинешь какой-нибудь фортель?

– Возьму, – прошептала она. – Ты знаешь, что возьму.

Он неловко обнял жену, повернулся и сбежал по крутой, плохо освещенной лестнице.

Шейла стояла в коридоре, содрогаясь от беззвучных рыданий, пока не услышала, как пятью этажами ниже хлопнула входная дверь, только тогда закрыла лицо фартуком. В руке она все еще сжимала градусник, которым мерила ребенку температуру.

Миссис Дженнер тихонько подкралась к ней, цапанула за фартук.

– Дорогая, – прошептала она, – могу достать на черном рынке пенициллин, когда ты получишь деньги... дешево... и качество хорошее...

– Отвали! – гаркнула на нее Шейла.

Миссис Дженнер отпрянула, ее верхняя губа инстинктивно вздернулась, открыв почерневшие огрызки зубов.

– Я только хотела помочь. – И засеменила в свою квартиру.

Из-за тонкой стены доносились стоны Кэти. Ревел фриви миссис Дженнер. Игрок «Денежного колеса» пропустил Премияльный вопрос, и у него тотчас же случился инфаркт. Его унесли на носилках под аплодисменты зрителей.

Миссис Дженнер вписала Шейлу Ричардс в свою записную книжку. Ее верхняя губа ритмично поднималась и опускалась.

– Мы еще посмотрим. Мы еще посмотрим, сладенькая ты моя.

Она резко, со злобой, захлопнула записную книжку и уселась поудобнее, чтобы посмотреть следующую игру.

...Минус 099, отсчет идет...

К тому времени когда Ричардс выскочил на улицу, дождь усилился. На рекламном щите «Накуришься доукс – напутишься вдоволь» большой термометр высветил цифру 51². (*Самое время раскурить доукс – взлететь на седьмое небо!*) Значит, в квартире шестьдесят³. А у Кэти грипп.

По растрескавшемуся асфальту мостовой не торопясь, трусцой, пробежала крыса. На другой стороне улицы ржавел остов «хамбера» модели 2013 года. От него остались рожки да ножки, унесли даже ступицы, но копы так и не удосужились вывезти его. Впрочем, к югу от Канала копы заглядывали теперь редко. Жилые дома Ко-Опа возвышались среди пустынных автостоянок, заброшенных магазинов, городских центров и заасфальтированных детских площадок. Правили здесь банды мотоциклистов, а сюжеты в «Новостях» о подвигах неустрашимой полиции Южного города не имели никакого отношения к действительности. Молчаливые улицы вселяли страх. Выходя из дому, следовало или воспользоваться услугами пневмоавтобуса, или держать наготове баллончик с газом.

Шагал он быстро, не оглядываясь, не думая. В воздухе стоял удушающий запах серы. Четыре мотоцикла пронеслись мимо, кто-то бросил в него кусок асфальта. Ричардс без труда увернулся. Один за другим мимо проехали два пневмоавтобуса, обдав его воздушной струей, но он их не останавливал. Двадцать долларов (старобаксы) недельного пособия по безработице они уже потратили. Не осталось денег даже на проезд. Он полагал, что байкеры с первого взгляда поняли, что взять с него нечего. Поэтому и проскочили мимо.

Высотные дома, блоки Развития, металлические заборы, автостоянки с ржавеющими останками разобранных на запчасти брошенных машин, непристойностями, начертанными на асфальте мелом и теперь расплывающимися под дождем. Разбитые окна, крысы, мокрые от воды мешки с мусором на тротуарах и в ливневых канавах. Черные надписи на серых стенах: ХОНКИ⁴, НЕ ДАЙ СЕБЯ КИНУТЬ. В ДОМАХ КУРЯТ ДОУКС. У ТВОЕЙ МАМАШИ СВЕРБИТ. СОСИ БАНАН. ТОММИ – ПУШЕР. ГИТЛЕР – ИЗ КРУТЫХ. МЭРИ. СИД. БЕЙ КАЙКОВ⁵. Натриевые лампы, освещавшие улицы в семидесятых годах, давно пали жертвами камней. Городские службы заменять их не собирались: они выполняли лишь те работы, которые оплачивались новобаксами. И за пределы центра носа не казали. В центре за каждый чих платили звонкой монетой. Тишину нарушало лишь шипение пневмоавтобусов да эхо шагов Ричардса. Это поле боя оживало лишь к вечеру. А днем в серой тишине двигались лишь крысы и коты. Да белые черви копошились в помойках. И пахло в этом славном 2025 году только смрадом разложения. Кабели фри-ви тянулись глубоко под землей, и только у психа или революционера могло возникнуть желание оборвать их. Фри-ви – пища для грез, радость жизни. «Скэг» стоил двенадцать старобаксов за пакетик, «фриско-пуш» – двадцать за таблетку, а фриви обольванивал за так. На другой стороне Канала фабрика исполнения желаний не останавливалась двадцать четыре часа в сутки... но подпитывали ее новобаксы, а они лишь у тех, кто работал. Четыре миллиона остальных, по большей части безработных, жили к югу от Канала, в Ко-Оп-Сити.

Ричардс прошагал три мили, и редкие винные и табачные магазины, поначалу забранные тяжелыми стальными решетками, встречались уже все чаще и чаще. Появились «Заведения для взрослых (!!24 извращения – посчитайте, ровно 24!!)», ломбарды, пункты сдачи крови.

² Чуть больше 10 градусов по Цельсию.

³ Около 16 градусов по Цельсию.

⁴ Пренебрежительное прозвище белых.

⁵ Пренебрежительное прозвище евреев.

Тут и там волосатики восседали на своих мотоциклах. В канавах белели окурки от самокруток (богатые курят доукс).

Он уже видел небоскребы, ввинчивающиеся в облака, высокие, чистенькие. А выше всех Нетворк-геймс-билдинг, здание Сетевой Корпорации Игр, сто этажей, верхняя половина прячется в облаках и смоге. Не сводя с него глаз, Ричардс прошел еще с миллю. Теперь вдоль улицы выстроились дорогие кинотеатры, а табачные магазины обходились без решеток (зато у витрин стояли частные охранники с электрошоковыми дубинками, болтающимися на широких кожаных поясах). И городской коп торчал на каждом углу. А вот и народный Парк фонтанов – вход 75 центов. Хорошо одетые мамы наблюдали за детьми, резвящимися на лужайке за металлической оградой. Ворота охраняли два копа. Вдали поблескивали струи фонтана.

Ричардс пересек Канал.

С каждым шагом Дом игр становился все выше, громаднее, с бесконечными рядами незрячих окон, забранных тонированным стеклом, с отполированным мрамором стен. Копы пристально следили за ним, готовые погнать его дальше или мгновенно скрутить, попытайся он что-то украсть. В центре мужчина в мешковатых серых штанах, с прической «под горшок» и запавшими глазами мог появиться с одной целью – принять участие в Играх.

Отбор игроков начинался ровно в полдень, но, когда Бен Ричардс пристроился в хвост очереди, она уже вытянулась на девять кварталов, то есть на добрую миллю. Очередь напоминала ему бесконечную змею. Последним он стоял недолго. Народ все прибывал. Копы не спускали с них глаз, поглаживая рукоятки пистолетов и дубинок. На их лицах играли презрительные ухмылки.

– Тебе не кажется, Френк, что вон тот – недоумок? Я в этом уверен.

– Тут один парень спросил, как ему пройти в сортир. Ну воще!

– Эти сукины дети...

– Убьют родную мать ради...

– Воняло от него так, словно он не мылся уже...

– Шоу – отпад. Прикинь...

Опустив головы, они переминались с ноги на ногу, а вскоре очередь двинулась с места.

...Минус 098, отсчет идет...

В регистрационный отдел Бен Ричардс вошел в начале пятого, и его направили в сектор девять (буквы Р – С). За столиком с мерно жужжащим компьютером сидела усталая, суровая, безразличная женщина. Она смотрела на него, но, похоже, не видела.

– Фамилия-имя-второе имя.

– Ричардс, Бенджамин Стюарт.

Ее пальцы забегали по клавиатуре. *Клик-клик-клик.*

– Возраст-рост-вес.

– Двадцать восемь, шесть футов два дюйма, сто шестьдесят пять⁶.

Клик-клик-клик

– Ай-кью⁷ по тесту Уэчслера, если вы его знаете, возраст, в котором проходили тест.

– Сто двадцать шесть. В четырнадцать лет.

Клик-клик-клик

В огромном зале голоса гулким эхом отскакивали от стен. Вопросы и ответы, вопросы и ответы. Кого-то выводили в слезах. Кого-то вышвыривали. Кто-то пытался протестовать. Кто-то завопил не своим голосом. Вопросы. Снова вопросы.

– Какое образовательное учреждение посещали последним?

– Ремесленное училище.

– Окончили?

– Нет.

– Сколько лет проучились, в каком возрасте бросили учебу?

– Два года. В шестнадцать лет.

– По какой причине бросили учебу?

– Женился.

Клик-клик-клик

– Имя и возраст жены, если таковая имеется.

– Шейла Кэтрин Ричардс, двадцать шесть лет.

– Имена и возраст детей, если есть.

– Кэтрин Сара Ричардс, восемнадцать месяцев.

Клик-клик-клик

– Последний вопрос, мистер. Не пытайтесь лгать. Вас разоблачат на медкомиссии и вышвырнут. Употребляли вы когда-нибудь героин или галлюциногенный синтетический амфетамин, называемый «Сан-Франциско пуш»?

– Нет.

Клик

Пластмассовая карточка выскочила из щели в столике, женщина протянула ее Ричардсу.

– Не потеряй, здоровяк. Если потеряешь, придется возвращаться сюда на следующей неделе. – Теперь она смотрела на него, видела лицо, злые глаза, поджарое тело. Симпатичный парень. И не глуп. Хорошие данные.

Она взяла у него карточку, пробила несколько перфораций в правом верхнем углу.

– А это зачем?

– Не важно. Потом тебе скажут. Может быть. – Она махнула рукой в сторону длинного коридора, уходящего к лифтам. Десятки людей, прошедших регистрацию, показывали пластиковые удостоверения и тянулись к лифтам. Ричардс увидел, как коп остановил дрожащего всем

⁶ 188 см, 75 кг.

⁷ IQ (intelligence quotient) – коэффициент умственного развития.

телом калеку, пожелтевшее лицо которого указывало на пристрастие к «пушу», и указал на дверь. Калека заплакал, но спорить не стал.

– Жестокий у нас мир, здоровяк, – донеслось из-за столика. Сочувствия в голосе женщины не слышалось. – Вперед.

Ричардс подчинился. А за его спиной звучали все те же вопросы.

...Минус 097, отсчет идет...

Грубая, жилистая рукахватила его за плечо, едва он, миновав столы с регистраторами, ступил в коридор.

– Карточка, приятель.

Ричардс показал карточку. Коп сбросил руку, на его лице отразилось разочарование.

– Небось нравится вышвыривать их отсюда, так? – спросил Ричардс. – Чувствуешь себя боссом, не правда ли?

– Хочешь вернуться в свой сарай, говнюк?

Ричардс прошел мимо него, коп не попытался его остановить.

На полпути к лифтам он оглянулся:

– Эй, коп.

Тот подозрительно глянул на него.

– Семья у тебя есть? На следующей неделе можешь оказаться на моем месте.

– Проваливай! – яростно рявкнул коп.

Улыбаясь, Ричардс проследовал к лифту.

В очереди стояли человек двадцать кандидатов. Ричардс показал одному из копов пластиковую карточку, получил в ответ пристальный взгляд.

– Считаешь себя крутым, сынок?

– Есть такое, – усмехнулся Ричардс.

Коп вернул ему карточку:

– Они выбьют из тебя дурь. Сможешь ли ты говорить с дыркой в голове, сынок?

– Посмотрел бы я, как заговоришь ты, если отобрать у тебя пистолет и стянуть штаны до колен, – все еще улыбаясь, ответил Ричардс. – Давай попробуем?

В голове промелькнула мысль, что коп сейчас ему врежет.

– Они тебя обещут, – ответил коп. – Еще поползаешь на коленях, прежде чем отправиться на тот свет.

Коп повернулся к трем вновь прибывшим и потребовал у них карточки.

Мужчина, стоявший впереди Ричардса, обернулся. Нервное печальное лицо, курчавые волосы клином, врезающимся в лоб меж двух залысин.

– Не стоит настраивать их против себя, парень. Они все повязаны.

– Неужели? – снисходительно спросил Ричардс.

Мужчина отвернулся.

Резко раскрылись двери кабины. Чернокожий коп с громадным животом охранял пульт управления с рядами кнопок. Другой коп проглядывал голографический порножурнал, сидя на стульчике в будке из пуленепробиваемого стекла размером с телефонную. Между колен он держал автомат с укороченным стволом. Под рукой стояли запасные рожки.

– К дальней стене! – привычно рыкнул толстяк коп. – К дальней стене! К дальней стене!

Они набились в кабину, как сельди в бочку. Печальные лица со всех сторон окружали Ричардса. Поднялись на второй этаж. Двери распахнулись. Ричардс, на голову выше остальных, увидел просторный, уставленный стульями зал с гигантским, во всю стену фри-ви.

– Выходите! Выходите! Карточки в левую руку!

Они выходили один за другим, предъявляя карточку бесстрастному объективу камеры. Трое копов стояли наготове. По какой-то причине внезапно начинал жужжать зуммер, и обладателя карточки выдергивали из шеренги и уводили прочь.

Ричардс показал свою карточку и проследовал в зал. Подошел к сигаретному автомату, получил пачку «Блэмс» и уселся как можно дальше от фри-ви. Закурил, вдохнул дым, закашлялся. Последний раз он держал в руке сигарету шесть месяцев назад.

...Минус 096, отсчет идет...

Тех, у кого фамилия начиналась с буквы «А», на медицинский осмотр вызвали сразу же: примерно два десятка человек потянулись к двери под фри-ви. Большими буквами на стене значилось: СЮДА. Стрелка под надписью указывала на дверь. Все знали, что грамотность у желающих участвовать в Играх хромала. Каждые четверть часа, плюс-минус несколько минут, вызывалась очередная буква. Бен Ричардс появился в зале ожидания около пяти, так что, по его прикидкам, мог не дергаться до начала десятого. Он жалел, что не взял с собой книгу, но, с другой стороны, и без нее можно было обойтись. Книжки вызвали подозрения, особенно если их читали живущие к югу от Канала. Таким больше пристало листать порножурналы.

Он посмотрел шестичасовой выпуск новостей (ожесточенные бои в Эквадоре, бунты людоедов в Индии, «Детройтские тигры» оказались сильнее «Хардингских кугуаров». Счет дневного матча 6:2), а когда в половине седьмого началась первая вечерняя игра, отошел к окну и поглядел наружу. Решение он уже принял, и игры вновь навевали на него тоску. Большинство же остальных как зачарованные следили за «Ружейными забавами». На следующей неделе они сами могли стать участниками этой игры.

За окном день медленно сменялся сумерками. Вагоны надземки стремительно пронеслись сквозь силовые кольца чуть повыше второго этажа, прорезая сумрак мощными фарами. Ниже, на тротуарах, толпы мужчин и женщин (главным образом, естественно, технический персонал и чиновники Сети) вышли на охоту: начинались поиски ночных развлечений. Зарегистрированный пушер расхваливал на углу свой товар. Мимо него прошел мужчина, держа под локотки двух красоток в соболях. Все трое смеялись.

Внезапно его захлестнула тоска по дому, Шейле, Кэти. Как ему хотелось позвонить им. Впрочем, он полагал, что такое не разрешается. Разумеется, он мог уйти, несколько мужчин так и сделали. Пересекли зал, улыбаясь непонятно чему, открыли дверь с надписью НА УЛИЦУ и исчезли. Возвращаться в квартиру, где его дочь металась в жару? Нет. Не мог он вернуться. Не мог.

Какое-то время он еще стоял у окна, потом вернулся на прежнее место, сел. На фри-ви начиналась новая игра – «Вырой себе могилу».

Парень, что сидел рядом, повернулся к Ричардсу и озабоченно спросил:

– Неужели по результатам медосмотра отсеивают тридцать процентов?

– Не знаю, – пожал плечами Ричардс.

– Господи, – выдохнул парень. – У меня бронхит. Может, возьмут в «Денежное колесо»...

Ричардс не знал, что и ответить. В груди у парня все свистело. Будто грузовик где-то вдалеке одолевал крутой подъем.

– И еще язва, – с тихим отчаянием добавил парень.

Ричардс не отрывал глаз от фри-ви, словно его захватила игра.

Парень долго молчал. Когда в половине восьмого программа прервалась, Ричардс услышал, как он задает тот же вопрос насчет медосмотра мужчине, сидящему с другой стороны. За окном стемнело. Идет ли дождь? – спросил себя Ричардс. Похоже, его ждал долгий-долгий вечер.

...Минус 095, отсчет идет...

В дверь, на которую указывала красная стрела, мужчин, чьи фамилии начинались с буквы «Р», пригласили чуть позже половины десятого. Первоначальное возбуждение давно спало, кто-то продолжал смотреть фри-ви, другие дремали. Фамилия парня, у которого свистело в груди, начиналась с буквы «Л», его вызвали часом раньше. Думать о том, сочли его годным или нет, Ричардсу не хотелось.

Смотровой зал, с выложенными кафелем стенами, купался в ярком свете флюоресцентных ламп. Он напоминал сборочный конвейер, по всей длине которого на определенном расстоянии друг от друга их поджидали скучающие врачи.

Захочет ли кто-нибудь из них вылечить мою дочурку, подумал Ричардс.

Кандидатов в игроки, предъявивших свою карточку объективу еще одной камеры, направляли к ряду крючков для одежды. Доктор в длинном белом халате подошел к ним с папкой под мышкой.

– Раздевайтесь, – приказал он. – Одежду вешайте на крючки. Запомните, какой у крючка номер, и назовите его санитару, что стоит в конце ряда. О ценностях не беспокойтесь. Никому они не нужны.

Ценностях, повторил про себя Ричардс. Остряк, однако. Он расстегнул рубашку. Ценностей у него хоть отбавляй: бумажник с фотографиями Шейлы и Кэти, квитанция на подметку ботинка, которую местный сапожник заменил ему шесть месяцев назад, кольцо для ключей с единственным ключом – от входной двери, детский носок, неведомо как попавший в карман, и пачка «Блэмс», которую выдал ему автомат в зале ожидания.

Он еще носил рваное нижнее белье, по настоянию Шейлы, хотя многие мужчины давно уже натягивали брюки прямо на голое тело. Вскоре все они стояли голенькие, с болтающимися между ног пенисами. С карточкой в руке. Некоторые переминались с ноги на ногу, словно у них мерзли ступни. Странно, пол-то не холодный. В воздухе витал забытый запах спирта.

– Не выходить из очереди, – командовал доктор с папкой под мышкой. – По первому требованию показывать карточку. В точности выполнять все указания.

Колонна двинулась. Ричардс заметил, что каждого врача охраняет коп. Он опустил глаза, покорно ожидая исхода.

– Карточку.

Он протянул карточку. Первый врач записал номер.

– Открой рот, – последовал приказ.

Ричардс открыл. Ему нажали на язык.

Следующий врач посветил в зрачки миниатюрным фонариком, покопался в ушах.

Третий приставил холодный кружок стетоскопа к груди.

– Покашляй.

Ричардс покашлял. Впереди из колонны выволакивали мужчину. Ему нужны деньги, орал он, они не имеют права, он подаст на них в суд.

Врач передвинул стетоскоп.

– Покашляй.

Ричардс покашлял. Врач развернул его, приложил стетоскоп к спине.

– Глубоко вдохни, и не дышать. – Стетоскоп переместился. – Выдохни.

Ричардс выдохнул.

– Проходи.

Кровяное давление измерял улыбающийся врач с повязкой на глазу. Лысый врач с большими черными веснушками на макушке, похожими на почечные бляшки, проверил, нет ли у него паховой грыжи. Сунул холодную руку между мошонкой и бедром.

– Покашляй.

Ричардс покашлял.

– Проходи.

У него измерили температуру, взяли на анализ слюну. Он миновал полпути. Половину смотрового зала. Несколько мужчин уже прошли всех врачей, и санитар с одутловатым лицом и большущими передними зубами принес им одежду в проволочных корзинах. С полдесятка вытолкали из очереди и вывели на лестницу.

– Наклонись и раздвинь ягодицы.

Ричардс наклонился, раздвинул. Палец, обтянутый пластиком, влез в его прямую кишку, пошуровал там, вылез.

– Проходи.

Он вошел в кабинку с тремя стенами-занавесками, такие ставили на избирательных участках (от кабинок уже одиннадцать лет как отказались, полностью компьютеризировав процесс голосования), и помочился в синий лабораторный стакан. Врач взял стакан и поставил в ячейку тележки.

На следующем посту у него проверили зрение.

– Читай, – приказал врач.

– Е... эй, эл... дэ, эм, эф... эс, пи, эм, зет... ка, эль, эй, си, ди... ю, эс, джи, эй...

– Достаточно. Проходи.

Он вошел в кабинку, совсем как на избирательном участке, надел наушники. Ему велели нажимать белую кнопку, если он что-то услышит, и красную, когда воцарится тишина. Звук пошел высокий и очень слабый, как посвист собаки, на пределе диапазона, различаемого человеком. Ричардс нажимал кнопки, пока его не остановили.

Его взвесили. Прощупали грудную клетку. Поставили перед флюорографом и надели свинцовый фартук. Врач жевал резинку и напевал себе под нос что-то неразборчивое. Он сделал несколько снимков, записал номер карточки.

Вместе с Ричардсом в смотровой зал вошли человек тридцать. Двенадцать добрались до дальнего конца. Некоторые уже оделись и ждали лифта. Примерно десяток отправили по домам. Один пытался наброситься на врача, который «срезал» его, и коп огрел беднягу электрошоковой дубинкой. Тот упал замертво.

Ричардс подошел к низкому столику. Его спросили, болел ли он одной из пятидесяти болезней. Главным образом респираторных. Врач вскинул на него глаза, когда Ричардс сказал, что у него в семье болеют гриппом.

– Жена?

– Нет. Дочь.

– Возраст?

– Полтора года.

– Ты прививался? Не пытайся врать! – Врач сорвался на крик, будто уже уличил Ричардса во лжи. – Мы все проверим.

– Первая прививка в июле 2023-го. Повторная – в сентябре 2023-го. В квартальной клинике.

– Проходи.

У Ричардса внезапно возникло желание перегнуться через столик и свернуть этому слизняку шею. Вместо этого он двинулся дальше.

На последнем посту сурового вида женщина-врач с коротко стриженными седыми волосами и мини-плеером в ухе спросила, не гомосексуалист ли он.

– Нет.

– Арестовывался за совершение преступления?

– Нет.

– Не страдаешь устойчивыми фобиями? Под этим подразумеваются...

– Нет.

– Тебе бы лучше дослушать. – В голосе сквозило пренебрежение. – Речь о том...

– ...есть ли у меня нехарактерные и внезапные приступы страха вроде акрофобии и клаустрофобии. Нет.

Она плотно сжала губы, на мгновение он подумал, что сейчас она отчитает его.

– Ты принимаешь или принимал галлюциногены или наркотики, к которым развивается привыкание?

– Нет.

– Есть у тебя родственники, которых привлекали к уголовной ответственности за совершение преступлений против государства или Сетевой Корпорации Игр?

– Нет.

– Подпишите эти два соглашения с Игровым комитетом, о лояльности и освобождении Корпорации от ответственности за вашу жизнь, мистер... э... Ричардс.

Он дважды нацарапал свою подпись.

– Покажите санитару карточку и назовите номер...

Он отвернулся от нее и махнул рукой зубастому санитару.

– Номер двадцать шесть, Кролик.

Санитар принес его вещи. Ричардс не спеша оделся, направился к лифтам. Анус неприятно жгло, наверное, от смазки, которой пользовался врач.

Когда собрались все прошедшие осмотр, двери открылись. На этот раз пуленепробиваемая стеклянная будка пустовала. Их встретил один коп, худой, со здоровенным жировиком у носа.

– К задней стенке! Прижимайтесь к задней стенке! – заголосил он.

Перед тем как закрылись двери, Ричардс увидел входящих в смотровой зал претендентов с фамилией на «С». К ним уже направлялся доктор с папкой.

Они поднялись на третий этаж. И попали в огромную, плохо освещенную казарму. Ряды узких железных коек уходили за горизонт.

Двое копов выпускали их по одному, называя каждому номер койки. Ричардсу достался девятьсот сороковой. На койке он нашел тоненькое одеяло и плоскую подушку. Улегся, сбросив ботинки. Ноги свешивались, но с этим он ничего поделать не мог.

Он заложил руки за голову и уставился в потолок.

...Минус 094, отсчет идет...

Наутро, ровно в шесть, его разбудило очень громкое дребезжание. Поначалу он не понял, где находится, удивился, чего это Шейла завела будильник, но потом сообразил, что к чему, и сел.

Группами по пятьдесят их повели в большой санитарный блок, где они предъявили свои карточки камере, рядом с которой маячил коп. Ричардс вошел в выложенную синим кафелем кабинку с раковиной, зеркалом, душем и унитазом. На полочке над раковиной лежали завернутые в целлофан зубные щетки, электрическая бритва, кусок мыла и наполовину выдавленный тюбик зубной пасты. *УВАЖАЙ СОБСТВЕННОСТЬ*, прочитал Ричардс на наклейке на зеркале. Под печатными буквами кто-то нацарапал: *Я УВАЖАЮ ТОЛЬКО СОБСТВЕННУЮ ЗАДНИЦУ*.

Ричардс принял душ, вытерся, швырнул полотенце на бачок, побрился, причесался.

После утреннего туалета они проследовали в кафетерий, где вновь предъявили карточки-удостоверения. Ричардс взял поднос и пошел с ним вдоль длинного прилавка из нержавеющей стали. Ему дали коробочку кукурузных хлопьев, миску жареной картошки, шматок яичницы, гренок, холодный и твердый, как мраморное надгробие, полпинты молока, чашку кофе (без сливок), пакетики с сахаром и солью и кубик искусственного масла на клочке вощеной бумаги.

Он съел все до последней крошки. Все съели. Для Ричардса это был первый настоящий завтрак за бог знает сколько времени: на пособие государство выдавало какие-то насыщающие пилюли. Еда, правда, была абсолютно безвкусной, будто иезуит повар оставил ей только питательные функции.

А что *они* ели этим утром? Таблетки из водорослей? Искусственное молоко для Кэти? Отчаяние охватило его. Господи, когда они начнут посылать деньги? Сегодня? Завтра? На следующей неделе?

А может, это все выдумки, чья-то злая шутка? И не будет никакой радуги, не говоря уже о горшке с золотом?

Уставившись в пустую тарелку, он просидел до семи часов, когда дребезжащий звонок позвал их к лифтам.

...Минус 093, отсчет идет...

На четвертом этаже группу Ричардса загнали в большую, без мебели комнату с широкими, как на почтовых ящиках, прорезями в стенах. Они вновь показали свои карточки, и двери лифтовой кабины закрылись.

В комнату вошел мужчина с изможденным лицом и редющими волосами, с эмблемой Корпорации Игр (силуэт человеческой головы на фоне факела) на лацкане белого халата.

– Пожалуйста, разденьтесь и вытащите из карманов все ценное. Затем бросьте одежду в щели мусоросжигателя. Вам выдадут униформу Корпорации Игр. – Он широко улыбнулся. – Униформа останется при вас, независимо от того, как сложится ваша судьба.

Некоторые поворчали, но подчинились все.

– Поторопитесь, пожалуйста. – Мужчина дважды хлопнул в ладоши, как учитель, дающий понять, что перемена подошла к концу. – У нас еще много дел.

– Вы тоже будете участвовать в Играх? – спросил Ричардс.

Мужчина недоуменно воззрился на него. Кто-то за спиной Ричардса хихикнул.

– Не берите в голову. – И Ричардс снял брюки.

Обнажив свои бесценные ценности, он опустил рубашку, брюки и трусы в щель, навстречу языкам пламени.

Дверь в дальней стене (дверь всегда в дальней стене, а они – крысы в огромном многоэтажном лабиринте: американском лабиринте, поправился Ричардс) открылась, и мужчины вкатили большие корзины, маркированные S, M, L и XL. Ричардс выбрал XL, из-за длины. Он опасался, что униформа повиснет на нем мешком из-за его худобы, но комбинезон пришелся как раз впору. Мягкий, облегающий материал напоминал шелк, но отличался большей плотностью. Единственная нейлоновая «молния» тянулась от шеи до промежности. Цветом комбинезоны не отличались: все темно-синие, с эмблемой Игр на правом нагрудном кармане. Когда вся группа оделась, Ричардсу показалось, что его начисто лишили индивидуальности.

– Сюда, пожалуйста. – Мужчина с изможденным лицом пригласил их в очередной зал ожидания. С непременно экраном фри-ви на стене.

– Вас будут вызывать по десять человек.

У двери под фри-ви имелась надпись СЮДА и, разумеется, указующая стрелка.

Они сели. Какое-то время спустя Ричардс поднялся, подошел к окну, выглянул. Они поднялись выше, а дождь лил по-прежнему. Улицы чернели влажным асфальтом. Что сейчас делает Шейла, подумал он.

...Минус 092, отсчет идет...

В четверть одиннадцатого его десятка миновала еще одну дверь. Входили гуськом, по одному. Опять показывали карточки. Их встретили десять кабинок с тремя уже не матерчатыми, а пластиковыми стенами, обитыми звуконепроницаемой пробкой. С потолка струился рассеянный свет, из невидимых динамиков лилась тихая музыка. Пол устилал толстый ковер. Ступни Ричардса чувствовали себя неуютно: они привыкли к бетону.

Мужчина с изможденным лицом что-то ему сказал. Ричардс мигнул:

– Что?

– Кабина шесть, – с укором повторил мужчина.

– Понятно.

Он направился к указанной кабине. Стол, за ним, на уровне глаз сидящего, большие настенные часы. На столе заточенный карандаш и стопка нелинованной бумаги. Дешевой бумаги, отметил Ричардс.

А между часами и столом стояла ослепительная жрица компьютерной эры, высокая, аля Юнона, блондинка в переливающихся шортиках, плотно обтягивающих треугольник лобка. Набухшие соски налитой груди нагло буравили сетчатую шелковую блузу.

– Присядьте, пожалуйста. Я – Ринда Уэрд, ваш экзаменатор. – Она протянула руку.

Остолбеневший Ричардс ее пожал.

– Я – Бен Ричардс.

– Можно называть вас Бен? – Улыбка соблазнительная, но безразличная. Он же испытал тот самый прилив желания, который и должна вызывать женщина, выставяющая напоказ свое роскошное тело. Его это разозлило. Небось ловит кайф, подумал он, растелешиваясь перед горемыками, добровольно решившимися сунуться в мясорубку.

– Конечно. – Он сел. – Отличные буфера.

– Благодарю, – невозмутимо ответила она. Он старался не смотреть на нее и из-за этого злился все больше. – Сегодня мы проверим ваши умственные способности точно так же, как вчера проверяли ваше здоровье. Проверка займет достаточно много времени, ленч вы получите в три часа, при условии, что выдержите экзамен. – Улыбка на ее губах то появлялась, то исчезала. – Первый тест – языковой. У вас будет ровно час с той секунды, как я передам вам эту брошюру. Вы можете задавать вопросы во время экзамена, и я отвечу на те, что имеют отношение к самому экзамену. На вопросы, указанные в брошюре, вы от меня ответа не дожидаетесь. Понятно?

– Да.

Она протянула ему брошюру. С красной рукой на обложке, ладонью вверх. Надписью под ней, большими красными буквами:

СТОП!

И ниже: *Не переворачивайте первую страницу без разрешения экзаменатора.*

– Круто, – вырвалось у Ричардса.

– Простите? – Идеально вылепленные брови чуть приподнялись.

– Не важно.

– Под каждым вопросом вы найдете несколько вариантов ответа. Пожалуйста, пожирнее отмечайте выбранный вами вариант. Если вы решите, что правильным является другой ответ, пожалуйста, полностью сотрите первую отметку. Если не знаете ответа, гадать не надо. Вы меня понимаете?

– Да.

– Тогда, пожалуйста, переверните первую страницу и приступайте. Когда я скажу стоп, положите карандаш. Можете начинать.

Он не начал. Медленно, с ленцой окинул взглядом ее тело.

Она покраснела.

– Ваш час пошел, Бен. Вам лучше...

– Почему здесь считают, – спросил он, – что по другую сторону Канала живут исключительно похотливые недоумки?

Ринда совсем сникла:

– Я... никогда...

– Нет, вы никогда. – Он улыбнулся и взялся за карандаш. – Господи, до чего же люди тупы.

Он склонился над брошюрой, пока она пыталась найти причину этой внезапной атаки. Но едва ли бы ей удалось понять его мотивы.

В первом пункте вопросника требовалось вставить в предложение пропущенное слово.

1. Одна... весны не делает.

а) мысль;

б) кружка пива;

в) ласточка;

г) драка;

д) ни одно из вышеуказанных слов не подходит.

Бланк для ответов он заполнял быстро, редко останавливаясь, чтобы обдумать или пересмотреть свой первоначальный выбор. И уложился в сорок пять минут. Но она не приняла у него брошюру. На тест полагался ровно час, поэтому Ричардс откинулся на спинку стула и внаглую обзирал ее практически нагое тело. Тишина сгущалась, давила все сильнее. Он видел, что ей хочется накинуть на себя халатик, и его это радовало.

Когда время истекло, она дала ему второй вопросник. На первой странице он увидел чертеж бензинового карбюратора. Ниже прочитал:

Вы можете поставить это устройство в:

а) газонокосилку;

б) фри-ви;

в) электрогамак;

г) автомобиль;

д) ни в один из этих механизмов.

Третий тест пришелся на математику. В цифрах он не был силен, поэтому начал потеть, видя, как неумолимо движется стрелка часов. А когда время истекло, сидел мокрый как мышь. Ответить на последний вопрос он не успел. Ринда Уэрд улыбнулась чуть шире, чем того требовала ситуация, забирая у него вопросник и бланк с ответами.

– Быстро не получилось, Бен.

– Зато все ответы – правильные. – Он улыбнулся в ответ, привстал, наклонился вперед и легонько похлопал ее по заду. – Прими душ, крошка. Ты хорошо поработала.

Кровь бросилась ей в лицо.

– Я могу снять тебя с экзамена.

– Чуть собачья. Тебя уволят, только и всего.

– Вон отсюда. Убирайся к своим, – фыркнула она, на глаза навернулись слезы.

В нем проснулось было сострадание, но он тут же придавил это совершенно неуместное чувство.

– Сегодня ты проведешь отменный вечерок. Поужинаешь в ресторане с тем, кто спит с тобой на этой неделе, и при этом будешь думать о моем ребенке, умирающем от гриппа в вонючей трехкомнатной квартире Развития.

И ушел, а она так и осталась стоять, глядя ему вслед, с белым как мел лицом.

Группа из десяти претендентов сократилась до шести. Их отвели в следующую комнату. Часы показывали половину второго.

...Минус 091, отсчет идет...

Глаза врача, сидевшего по другую сторону стола в маленькой кабинке, прятались за толстыми линзами очков. Губы кривила гаденькая, довольная ухмылка, напомнившая Ричардсу одного дебила из далекой юности. Тот залезал под трибуны школьного стадиона и заглядывал девочкам под юбки, гоняя шкурку. Ричардс заулыбался.

– Подумали о чем-то приятном? – спросил врач, не прекращая перебирать листки, заляпанные чернильными кляксами. Гаденькая улыбка стала шире.

– Да. Вы напомнили мне одного знакомого.

– Правда? Кого же?

– Не важно.

– Ладно. Что вы видите?

Ричардс всмотрелся в хаотичное месиво клякс и белых пятен. Манжета для измерения кровяного давления охватывала его правую руку. К голове крепились несколько электродов, соединенных с компьютером. По дисплею бежали волнистые линии.

– Две женщины-негритянки. Целуются.

Первую картинку сменила вторая.

– Здесь?

– Спортивный автомобиль. Вроде «ягуар».

– Вы интересуетесь автомобилями с дэвээс⁸?

Ричардс пожал плечами.

– В детстве у меня была коллекция игрушечных автомобилей.

Врач что-то чиркнул, положил перед Ричардсом следующую картинку.

– Больная женщина. Лежит на боку. Тени, падающие на лицо, напоминают тюремную решетку.

– А что здесь?

Ричардс загоготал.

– Похоже на кучу дерьма.

Думал он о враче, бегающем в белом халате под трибунами, заглядывающем девочкам под юбки и онанирующем, поэтому вновь рассмеялся. Наяву врач спокойно сидел перед ним, все так же гаденько улыбаясь, отчего ему становилось только веселее. Наконец Ричардс выдохся. Икнул и затих.

– Не думаю, что скажете мне...

– Нет, – оборвал его Ричардс. – Не скажу.

– Хорошо, поехали дальше. Образные ассоциации. – Объяснить, о чем речь, он не удосужился. Ричардс понял, что информация о нем уже прошла. Оно и к лучшему – экономится время.

Врач достал из внутреннего кармана секундомер, приготовил шариковую ручку, взглянул на лежащий перед ним лист с написанными на нем словами.

– Врач.

– Ниггер, – отозвался Ричардс.

– Пенис.

– Член.

– Красное.

– Черное.

– Серебро.

⁸ ДВС – двигатель внутреннего сгорания.

- Кинжал.
- Винтовка.
- Убийство.
- Выигрыш.
- Деньги.
- Секс.
- Тест.
- Ударить.
- Наотмашь.

Словесный пинг-понг продолжался. Врач назвал больше пятидесяти слов, прежде чем остановил секундомер и положил ручку.

– Хорошо. – Он положил руки на стол, сцепил пальцы. – У меня последний вопрос, Ричардс. Не могу сказать, что мне под силу отличить ложь от правды, но машину, к которой вы подсоединены, обмануть практически невозможно. Суицидальные мотивы не имеют отношения к вашему решению принять участие в Играх?

- Нет.
- Тогда в чем причина?
- Моя маленькая дочь больна. Ей нужен врач. Лекарства. Больничный уход. Ручка летала по бумаге.
- Это все?

Ричардсу хотелось ответить, что да (остальное – не их дело), но потом он решил выговориться. Возможно, потому, что врач – вылитый, только постаревший, дебил, которого он знал давным-давно и не пойми почему вспомнил. А может, ему просто хотелось облечь свои эмоции в слова, чтобы всем все стало ясно, в том числе и ему самому.

– Я давно безработный. Хочу снова работать, пусть даже мальчиком для битья в игре, исход которой заведомо известен. Я хочу работать и содержать семью. У меня есть гордость. У вас есть гордость, доктор?

– Гордцам прямая дорога в ад. – Щелчок, шарик ручки упрялся в корпус. – Если вам больше нечего добавить, мистер Ричардс... – Врач встал, давая понять (на то же указывало и обращение по фамилии), что собеседование закончено, независимо от того, хотел он что-то добавить или нет.

- Нет.
- Дверь в конце коридора по правую руку. Удачи вам.
- Куда уж без нее, – ответил Ричардс.

...Минус 090, отсчет идет...

Группа, в составе которой Ричардс вышел из лифта, сократилась до четырех человек. И новый зал ожидания заметно уменьшился в размерах. Аналогичные сокращения прошли и в других десятках. Из тех, кто провел ночь в казарме, осталось примерно сорок процентов. В половине пятого в зале появились последние, фамилии которых начинались с букв, замыкающих алфавит. В четыре служитель обнес всех с подносом, полным безвкусных сэндвичей. Ричардс взял два и жевал их, слушая парня по фамилии Реттенмунд, который потчевал его и сидящих рядом похабными анекдотами. Знал он их, похоже, несметное множество.

Когда наконец собрались все, кто прошел очередной этап отбора, их затолкали в лифт и подняли на пятый этаж. На этот раз Корпорация предоставила к их услугам большую общую комнату, общий туалет и спальню с двухъярусными койками. Им также сказали, что в кафетерии, расположенном чуть дальше по коридору, их ждут в семь часов.

Ричардс посидел несколько минут, а потом направился к копу, что стоял у двери, через которую они вошли в их новое жилище.

– Тут есть телефон, приятель?

По правде сказать, он не ожидал, что ему могут разрешить позвонить, но коп молча указал на коридор.

Ричардс притворил дверь, выглянул. Точно, телефон-автомат.

Он вновь посмотрел на копа:

– Слушай, если ты одолжишь мне пятьдесят центов, я...

– Отвали, гнида.

Ричардс сдержался.

– Я хочу позвонить жене. Наш ребенок болен. Ради Бога, встань на мое место.

Коп расхохотался отрывистым, лающим смехом:

– Все вы одинаковые. Каждый день рассказываете мне басни. Особенно занятные на Рождество и День матери.

– Сволочь, – процедил Ричардс, и что-то в выражении его глаз и развороте плеч заставило копа уставиться в стену. – Или ты сам не женат? Неужели тебе не случалось остаться без гроша и занимать деньги, как бы тебя из-за этого ни мутило?

Коп неожиданно сунул руку в карман, достал пригоршню пластиковых монет. Выхватил два новых четвертака, остальные сунул в карман, свободной рукой схватил Ричардса за грудки.

– Если скажешь кому, что сумел разжалобить Чарли Грейди, я вышибу твои чертовы мозги, слизняк.

– Спасибо, – ровным голосом поблагодарил его Ричардс. – За ссуду.

Чарли Грейди рассмеялся и отпустил его. Ричардс прошел в коридор, снял трубку, бросил монеты в щель. Они упали на дно копилки, и поначалу ничего не изменилось (*Господи, неужели все зазря*), но потом послышался длинный гудок. Он набрал номер пятого этажа – телефон стоял в коридоре – в надежде, что трубку возьмет не эта сука Дженнер. Узнав его голос, она бы непременно ответила, что он не туда попал, и бросила бы трубку.

После шести гудков он услышал незнакомый голос:

– Алло?

– Я хочу поговорить с Шейлой Ричардс из квартиры пять-си.

– Я думаю, ее нет. – В голосе слышалось порицание. – Она, видите ли, гуляет по панели.

У них болеет ребенок, а муж и не чухнется.

– Просто постучите в дверь, – просипел он.

– Одну минуту.

Трубка ударилась о стенку, обладательница незнакомого голоса просто бросила ее, потом послышались глухие удары и крики: «Телефон! Вас к телефону, миссис Ричардс».

Полминуты спустя незнакомый голос вновь заговорил в трубку:

– Ее нет. Слышно, как плачет ребенок, но ее нет. Как я и говорила, ловит момент. – В трубке послышалось хихиканье.

– Напишите ей записку. Если придется, на стене.

– Нет карандаша. Я кладу трубку. Пока.

– Подождите! – запаниковал Ричардс.

– Я... минуточку, – разочарованно добавил голос. – Она поднимается по лестнице.

Ричардс привалился к стене: ноги не держали. Мгновение спустя он услышал голос Шейлы, запыхавшийся, немного испуганный.

– Алло?

– Шейла. – Он закрыл глаза.

– Бен, Бен, это ты? У тебя все в порядке?

– Да. Все хорошо. Кэти. Как...

– Так же. Температура немного упала, но в легких все хрипит. Бен, мне кажется, у нее там мокрота. Вдруг это пневмония?

– Все образуется. Все образуется.

– Я... – Пауза, долгая пауза. – Я не хотела оставлять ее одну, но пришлось. Бен, утром я дала двоим. Выхода не было. Но я купила ей лекарства. Хорошие лекарства. – В голосе звучало страдание.

– Дерьмо это, а не лекарства, – возразил он. – Слушай, Шейла, кончай с этим. Пожалуйста. Я думаю, что меня взяли. Больше они никого не отбракуют, у них слишком много программ. Им нужно пушечное мясо. И по-моему, они дают аванс. Миссис Апшоу...

– В черном она выглядела ужасно, – перебила его Шейла.

– Не важно. Оставайся с Кэти, Шейла. Больше никуда не ходи.

– Хорошо. Не пойду. – Но он не верил ее голосу. *Скрестила ли ты пальцы, Шейла?* – Я люблю тебя, Бен.

– И я лю...

– Три минуты истекают, – ворвался в трубку голос телефонистки. – Если хотите продолжить разговор, опустите один новый или три старых четвертака.

– Еще секунду! – проорал Ричардс. – Не отключай связь, паршивая сука. Ты...

Связь прервалась.

Он швырнул трубку, она ударилась о стену, потом закачалась на серебристом проводе, будто змея, которая кусает только раз, а потом умирает.

Кто-то должен за это заплатить, тупо думал Ричардс, шагая к двери. Кто-то *должен*.

...Минус 089, отсчет идет...

На пятом этаже их продержали до десяти утра, и Ричардс чуть не сошел с ума от злости, тревоги и раздражения. Но в конце концов появился сотрудник Корпорации Игр, молодой человек в обтягивающем комбинезоне, с женственными манерами, и пригласил всех в лифт. Их осталось чуть меньше трехсот: около шестидесяти человек ночью по-тихому вывели из спальни. Среди них и парня с неисчерпаемым запасом похабных анекдотов.

Группами по пятьдесят человек их заводили в небольшую аудиторию на шестом этаже. Красный бархат сидений, подлокотники из настоящего дерева производили впечатление. Ричардс достал смятую пачку «Блэмс». Пепельниц, вмонтированных в подлокотники, он предпочел не замечать, стряхивая пепел на пол.

В центре маленькой сцены возвышалась кафедра. Кто-то поставил на нее кувшин с водой и стакан.

В четверть одиннадцатого женоподобный молодой человек подошел к кафедре.

– Позвольте представить вам Артура М. Бурнса, помощника директора Корпорации Игр.

– Ура, – неприятным голосом отозвался кто-то за спиной Ричардса.

Полный мужчина с лысиной на макушке, окруженной венчиком седых волос, бодрым шагом поднялся на сцену, взошел на кафедру, важно кивнул, как бы в ответ на аплодисменты, которые слышал только он. Затем широко, заразительно улыбнулся, сразу превратившись в пухленького, стареющего купидона в деловом костюме.

– Поздравляю, – объявил он. – Вы выдержали экзамен.

Ему ответил шумный выдох облегчения, смех, шлепки по спине. Многие закурили.

– Ура, – повторил неприятный голос.

– В самое ближайшее время вас распределят по программам и назовут номер вашей комнаты на седьмом этаже. Исполнительные продюсеры конкретных программ объяснят вам, чего от вас ждут. Но до того как вы займетесь делом, я еще раз хочу поздравить вас и сказать, что рад видеть перед собой столько смелых, решительных парней, отказывающихся жить на подачки, зная, что у каждого есть шанс утвердиться в обществе, показать себя настоящим мужчиной. И, позвольте добавить от себя лично, я считаю вас истинными героями нашего времени.

– Вранье, – откомментировал неприятный голос.

– А теперь, от всей Сети, желаю вам удачи и исполнения всех ваших желаний. Как говорится, Бог в помощь. – Он радостно захихикал и потер ручки. – Что ж, я понимаю, как вам не терпится узнать, в какой Игре вы будете участвовать. Не стану вас больше задерживать своей болтовней.

Распахнулась боковая дверь, дюжина девушек в красных туниках вошли в аудиторию. Начали выкликать фамилии, раздавая белые конверты, которые вскоре усеяли пол, как конфетти. Получившие пластиковые карточки узнавали свою судьбу. Слышались стоны, радостные крики, ругательства. Артур М. Бурнс взирал на происходящее с умильной улыбкой.

– Эта чертова «Некоторые любят погорячее». Господи, я ненавижу жару!

– «Денежное колесо», Боже, я не знал, что у меня плохое сердце...

– Я надеялся, что попаду туда, но не думал, что так оно и...

– Эй, Джейк, ты видел «Заплыв с крокодилами»? Я думал...

– Я такого не ожидал...

– Вот уж не гадал...

– Эта паршивая...

– «Гонка за оружием»...

– Бенджамин Ричардс! Бен Ричардс!

– Здесь!

Он получил белый конверт, мгновенно разорвал его. Пальцы дрожали, пластиковую карточку он сумел достать лишь со второй попытки. Долго смотрел на нее, ничего не понимая. Названия игры на ней не значилось. Его заменяли два слова, выдавленные на пластике: ЛИФТ ШЕСТЬ.

Он сунул карточку в нагрудный карман, где уже лежало удостоверение, и вышел из аудитории. Около первых пяти лифтов в конце коридора толпился народ: лифты группами поднимали на седьмой этаж участников игр следующей недели. У закрытых дверей шестого стояли четверо. В одном Ричардс узнал обладателя неприятного голоса.

– В чем дело? – спросил Ричардс. – Нас выкинули?

– Как бы не так, – невесело рассмеялся обладатель неприятного голоса, симпатичный парень лет двадцати пяти, с ссохшейся рукой, возможно, переболевший полиомиелитом, эпидемия которого прокатилась по Ко-Оп-Сити в 2005 году. – Думаю, нам предложат сыграть покрупному. В игру, где инфарктом, потерей глаза или руки не отделаешься. В ту, где тебя убивают. В наиболее удобное для зрителей время. Прайм-тайм, знаешь ли.

К ним присоединился шестой, красивый парень, который слишком уж часто изумленно моргал, словно многое видел впервые.

– Привет, сосунок, – бросил ему мужчина с неприятным голосом.

Ровно в одиннадцать, когда коридор давно уже опустел, раскрылись двери кабины шестого лифта. В стеклянной будке сидел коп.

– Видите? – Мужчина с неприятным голосом тараторил за всех шестерых. – Мы – опасные типы. Враги общества. Они намерены от нас избавиться. – Он скорчил зверскую рожу и расстрелял будку из воображаемого автомата. Коп, морда кирпичом, бесстрастно взирал на них.

...Минус 088, отсчет идет...

Крошечная, уютная, домашняя, интимная, вся в бархате приемная на восьмом этаже. Ричардс сидел в ней один.

Когда они вышли из лифта, троих быстро увели в конец коридора. Ричардса, мужчину с неприятным голосом и моргающего паренька доставили в эту приемную.

Секретарь, чем-то напомнившая Ричардсу одного из секс-символов ТВ прошлого (Лиз Келли? Грейс Тейлор⁹?), которых он видел в детстве, улыбнулась всем троим. Сидела она за столом в нише, так заставленной горшками с комнатными растениями, что казалось, будто она выглядывает из окопа где-нибудь в Эквадоре.

– Мистер Джански. – Ослепительная улыбка предназначалась на сей раз одному часто моргающему парню. – Пожалуйста, проходите.

И моргун прошествовал в святилище за дверь. Ричардс и мужчина с неприятным голосом, его звали Джимми Лафлин, лениво переговаривались. Выяснилось, что Лафлин жил в трех кварталах от Ричардса, на Портовой улице. До прошлого года работал в «Дженерал атомикс», но его уволили за участие в сидячей забастовке: рабочие протестовали против «дырявой» радиационной защиты.

– Но я тем не менее жив, – продолжил Лафлин, – что никак не устраивает этих слизняков. Разумеется, детей у меня быть не может. Я стерилен. Впрочем, кто обращает на это внимание. Невысокая плата за то, чтобы каждый день получать семь новобаксов.

Когда «Джи-Эй» выставила его за дверь, ссохшаяся рука мешала найти новую работу. А жена двумя годами раньше заболела астмой и теперь уже не вставала с постели.

– Вот я и решил выйти на ринг, – горько усмехнулся Лафлин. – Может, мне представится шанс вышвырнуть из окна нескольких ублюдков, прежде чем парни Маккоуна доберутся до меня.

– Ты думаешь, что...

– «Бегущий человек»! Готов поспорить на собственную задницу. Дай мне одну из этих поганых сигарет, приятель.

Ричардс не отказал.

Дверь открылась. Парень, который часто моргал, появился в приемной под руку с очаровательной куколкой, прелести которой только подчеркивал крошечный купальник. Он нервно улыбнулся Ричардсу и Лафлину, и они проследовали в коридор.

– Мистер Лафлин? Пожалуйста, проходите.

И Ричардс остался один, если не считать секретарши, вновь нырнувшей в окоп.

Он поднялся, подошел к сигаретному автомату в углу. Лафлин скорее всего прав, решил он. Они попали в высшую лигу. Он получил пачку «Блэмс», сел, закурил.

Двадцать минут спустя из кабинета вышел Лафлин с повисшей на его руке пепельной блондинкой.

– Моя новая подружка, – представил он блондинку Ричардсу. Та радостно улыбнулась. Лафлин насупился. – По крайней мере этот тип не вертит хвостом. – Он мотнул головой в сторону кабинета. – До встречи.

И скрылся в коридоре.

Секретарша высунулась из окопа.

– Мистер Ричардс? Пожалуйста, проходите.

⁹ Автор сознательно путает имена, чтобы показать, что и ТВ, и кино давно забыты. Речь идет о Грейс Келли (1928–1982, модель, актриса, с 1956 г. – принцесса Монако, в 1982 г. погибла в авткатастрофе, и Элизабет Тейлор (р.1932, одна из самых известных актрис Голливуда).

Он не заставил просить себя дважды.

...Минус 087, отсчет идет...

Кабинет мог потягаться размерами с площадкой для киллбола. Одну стену занимало огромное окно, из которого открывалась панорама крыш жилых домов, портовых складов, резервуаров с нефтью и самого озера Хардинг. Серое небо, серая вода: дождь все еще лил. Вдалеке разворачивался большой танкер.

За столом сидел мужчина среднего роста, с очень черной кожей. Такой черной, что Ричардс даже подумал, человек ли сидит перед ним? Или манекен?

– Мистер Ричардс. – Хозяин кабинета поднялся, протянул руку. И совсем не обиделся, когда Ричардс ее не пожал. Просто убрал ее и сел.

У стола стоял раскладной стул. Ричардс тоже сел, затушил окурок в пепельнице с эмблемой Игр.

– Я – Дэн Киллиян, мистер Ричардс. Вы, наверное, уже догадались, почему вас пригласили сюда. Наши архивы и результаты тестов показывают, что вы – парень умный.

Ричардс ждал, сложив руки на груди.

– Вас отобрали для участия в «Бегущем человеке», мистер Ричардс. Это самая большая наша игра. Она наиболее опасна для участников, но и выиграть в ней можно больше, чем в любой другой. Договор о вашем согласии принять участие в этой игре лежит у меня на столе. Я не сомневаюсь, что вы его подпишете, но сначала хочу пояснить, почему мы выбрали вас, и убедиться в том, что вы полностью отдаете себе отчет о происходящем, знаете, на что идете.

Ричардс молчал.

Киллиян положил перед собой папку. Ричардс увидел, что на обложке написана его фамилия. Киллиян раскрыл папку.

– Бенджамин Стюарт Ричардс. Двадцать восемь лет, родился 8 августа 1997 года в городе Хардинге. Посещал ремесленное училище Южного города с сентября 2011 года по декабрь 2013-го. Дважды отстранялся от занятий за неуважение к руководству. Как я понимаю, вы ударили ногой помощника директора в верхнюю часть бедра, как только он повернулся к вам спиной?

– Вранье, – разлепил губы Ричардс. – Я дал ему хорошего пинка под зад.

Киллиян кивнул.

– Как скажете, мистер Ричардс. Вы женились на Шейле Ричардс, урожденной Гордон, в шестнадцать лет. Подписали стародавний пожизненный брачный контракт. Все время бунтуете, так? Не состоите в профсоюзе, потому что отказались подписать профсоюзную присягу на верность и договор о контроле заработной платы. Как я понимаю, вы охарактеризовали губернатора района Джонсбери как прохвоста.

– Да, – кивнул Ричардс.

– На одной работе вы не засиживались. Вас увольняли... давайте поглядим... шесть раз за несоблюдение субординации, оскорбление начальства и критику властей.

Ричардс пожал плечами.

– Короче, вы не желали знать свое место и отличались асоциальным поведением. Однако вам хватало ума не попасть в тюрьму и не идти на серьезный конфликт с государством. Не пристрастились вы и к наркотикам. В рапорте психолога отмечено, что в нагромождении чернильных клякс вы различили лесбиянок, экскременты и автомобиль с бензиновым двигателем. Он также указал на вашу необъяснимую веселость...

– Ваш психолог напомнил мне одного парня, которого я знал в детстве. Он любил забираться под трибуны школьного стадиона и дрочить. Я про парня. Любит ли это ваш врач – не знаю.

– Понятно. – Киллиан усмехнулся, белая полоска сверкнула на чернейшем лице, и вновь углубился в досье. – В вас сохранилась расовая предубежденность, запрещенная законом о расовом равноправии от 2004 года. Тест на образные сравнения показал склонность к насилию.

– В основе вашей игры лежит насилие, – ответил Ричардс.

– Верно. Однако мы, и я говорю это не только как сотрудник Корпорации Игр, а от имени государства, считаем такие симптомы крайне опасными.

– Бойтесь, что кто-нибудь однажды ночью взорвет все ваше хозяйство? – усмехнулся Ричардс.

Киллиан послунывил палец и перевернул страницу.

– К счастью для нас, вы оставили нам заложника, мистер Ричардс. У вас есть дочь по имени Кэтрин, восемнадцати месяцев от роду. Это случайность? – холодно улыбнулся он.

– Пожалуй, нет. – В голосе Ричардса не слышалось злобы. – Я тогда работал в «Джи-Эй». Но каким-то чудом не потерял способность иметь детей. Может, это знак свыше. Глядя, куда катится мир, я иной раз думаю, что мы просто рехнулись, решившись родить ребенка.

– Так или иначе, вы здесь. – Губы Киллиана кривила все та же холодная усмешка. – И в следующий вторник появьтесь в «Бегущем человеке». Вы видели эту программу?

– Да.

– Тогда вам известно, что это самое зрелищное шоу фри-ви. Оно позволяет зрителям стать участниками происходящего на экране. Я исполнительный продюсер программы.

– Просто замечательно, – отозвался Ричардс.

– Наша программа – один из эффективнейших способов избавления от потенциальных бунтарей, таких, как вы, мистер Ричардс. Мы в эфире уже шесть лет. До сих пор ни один из участников не выходил из игры живым. Открою вам жестокую правду: мы стремимся к тому, чтобы и впредь каждая игра заканчивалась с тем же исходом.

– Тогда у вас крапленые карты, – заявил Ричардс.

Киллиан ничуть не оскорбился, наоборот, даже повеселел.

– А вот и нет! Вы постоянно забываете о том, что такие, как вы – анахронизм, мистер Ричардс. Люди собираются в барах и отелях или стоят на холоде перед большими фри-ви в витринах магазинов не для того, чтобы увидеть, как вам удалось убежать. Господи, совсем не для того! Они хотят увидеть, как вас уничтожат, и, если у них появится такая возможность, охотно примут в этом участие. Чем более кровавой будет ваша смерть, тем лучше. Но прежде всего вам придется потягаться с Маккоуном. Эван Маккоун и Охотники.

– Прямо-таки название неогруппы, – усмехнулся Ричардс.

– Маккоун никогда не проигрывает.

Ричардс хмыкнул.

– Вы появьтесь в прямом эфире во вторник. Последующие передачи будут смонтированы из аудио- и видеоматериалов, а также прямых включений, если представится такой случай. Как вы, конечно, знаете, мы прерываем запланированные программы, когда игрок близок к... скажем так, персональному Ватерлоо.

Правила предельно просты. Вам или членам вашей семьи причитается сто новодолларов за каждый час, проведенный на свободе. На текущие расходы вы получите от нас четыре тысячи восемьсот новодолларов. Неистраченный аванс отойдет вашей семье, если с вами покончат до истечения сорока восьми часов. Вам также даются двенадцать часов форы. Если вы сможете продержаться тридцать дней, то выиграете Гран-при. Один миллиард новодолларов.

Ричардс откинул голову и расхохотался.

– Полностью с вами согласен, – сухо улыбнулся Киллиан. – Есть вопросы?

– Только один. – Ричардс наклонился вперед. На лице не осталось ни грана юмора. – А не хотели бы вы оказаться на свободе, в бегущих?

Киллиан засмеялся. Загоготал. Его живот бился о стол красного дерева.

– О-о-о... Мистер Ричардс... извините м-меня... – Очередной приступ смеха согнул его пополам.

Наконец, вытирая глаза большим белым носовым платком, Киллиян взял себя в руки.

– Видите, не только вам свойственно чувство юмора, мистер Ричардс. Вы... я... – Он вновь поперхнулся смехом. – Пожалуйста, извините. Уж очень вы меня рассмешили.

– Вижу.

– Еще вопросы?

– Нет.

– Очень хорошо. Перед выходом программы в эфир мы проведем рабочее совещание. Если в вашем изобретательном мозгу все-таки возникнут вопросы, задайте их на совещании. – Киллиян вдавил в стол кнопку.

– Ваша шляха мне не нужна, – предупредил его Ричардс. – Я женат.

Брови Киллияна взлетели вверх.

– Вы уверены? Верность – замечательная черта, мистер Ричардс, но от пятницы до вторника утечет немало воды. А если учесть, что вы, возможно, больше никогда не увидите жену...

– Я женат.

– Как скажете. – Он кивнул появившейся в дверях девушке, и та исчезла. – Что мы можем сделать для вас, мистер Ричардс? В ваше распоряжение предоставят номер люкс на девятом этаже, в еде отказа не будет, разумеется, в пределах разумного.

– Бутылку хорошего бурбона. И телефон, чтобы я мог говорить с ж...

– В этом вынужден вам отказать, мистер Ричардс. Бурбон вы получите. Но как только вы подписываете этот договор... – он пододвинул к Ричардсу бланк и ручку, – все ваши контакты с окружающим миром прекращаются до вторника. Может, передумали насчет девочки?

– Нет. – Ричардс подписал договор. – Но пусть принесут две бутылки бурбона.

– Нет проблем. – Киллиян поднялся и вновь протянул руку.

Ричардс вновь предпочел не заметить ее, повернулся и вышел из кабинета.

Киллиян проводил его взглядом. На этот раз он не улыбался.

...Минус 086, отсчет идет...

Секретарь выскочила из окопа, как только Ричардс появился в приемной, и протянула ему конверт. Он прочитал:

Мистер Ричардс!

Подозреваю, в ходе нашего разговора вы запомнили упомянуть о том, что деньги необходимы вам прямо сейчас. Или это не так?

Несмотря на циркулирующие слухи, Корпорация не выдает авансов. Вы не должны полагать себя участником, на которого так и сыплются всякие блага. Вы не звезда фри-ви, а рабочая лошадка, нанятая для выполнения опасного поручения, которое, разумеется, очень высоко оплачивается.

Но Корпорация не запрещает мне предложить вам ссуду от себя лично. В конверте вы найдете десять процентов тех денег, что должны получить с началом игры. Должен сразу предупредить вас, не в новодолларах, но в Игровых сертификатах, которые можно обменять на новодоллары. Если вы примете решение отослать их жене, а я склонен думать, что так оно и случится, она выяснит, что они имеют одно немаловажное преимущество в сравнении с новодолларами: хороший врач примет их в качестве платежного средства, а шарлатан – нет.

*Искренне Ваш,
Дэн Киллиан.*

Ричардс открыл конверт, достал толстую книжицу купонов с символом Игр на велюровой обложке. Сорок восемь купонов по десять новобаксов каждый. В Ричардсе начала подниматься волна благодарности, но он решительно подавил ее. Он не сомневался, что Киллиан вычтет эти четыреста восемьдесят долларов из той суммы, что полагалась ему на текущие расходы. Опять же четыреста восемьдесят долларов – чертовски малая цена за то, чтобы дичь думала лишь о своем спасении и таким образом содействовала поддержанию максимального напряжения в игре. А высокое качество каждой игры гарантировало, что Киллиан и дальше будет ходить в продюсерах.

– Дерьмо, – пробурчал Ричардс.

Секретарь вновь высунулась из окопа.

– Вы что-то сказали, мистер Ричардс?

– Нет. Как пройти к лифту?

...Минус 085, отсчет идет...

Люкс поражал воображение. Толстый ковер от стены до стены, три комнаты, гостиная, спальня и ванная. Выключенный фри-ви, благословенная тишина. В вазах цветы, в стене у двери кнопка с надписью на табличке «Обслуживание». Обслужат тут быстро, мрачно подумал Ричардс. За дверью номера стояли два копа, с тем чтобы он не шатался где не следует.

Он нажал кнопку, дверь открылась.

– Да, мистер Ричардс? – спросил один из копов. Ричардс подумал, что слово «мистер» дается ему с большим трудом. – Бурбон, который вы заказывали, принесут...

– Я не об этом. – Он показал копу книжку с купонами, полученную от Киллияна. – Я хочу отправить ее в одно место.

– Напишите имя и адрес, и я прослежу, чтобы она попала по назначению.

Ричардс выудил из кармана квитанцию сапожника, написал на обороте свой адрес и имя жены. Отдал квитанцию и купоны копу. Тот уже отворачивался, когда Ричардс вспомнил о недавнем должке.

– Эй! Одну секунду!

Коп вопросительно посмотрел на Ричардса, протянул ему книжку с купонами. Ричардс открыл первый купон, оторвал десятую часть, вдоль перфорированной линии. Эквивалентная стоимость полоски равнялась одному новобаксу.

– Вы знаете Чарли Грейди? Из ваших?

– Чарли? – Коп настороженно прищурился. – Да, я знаю Чарли. Он с пятого этажа.

– Отдайте ему вот это. – Он протянул полоску. – И скажите, что дополнительные пятьдесят центов – его чаевые.

Коп уже хотел отвернуться, но Ричардс вновь остановил его:

– И вы принесете мне расписки от моей жены и Грейди, не так ли?

На лице копа отразилось презрение.

– А ты у нас недоверчивый.

– Естественно, – сухо улыбнулся Ричардс. – Вы, парни, меня этому и научили. К югу от Канала по-другому и быть не может.

– С удовольствием посмотрю, как они будут гонять тебя, – процедил коп. – Сяду перед моим фри-ви с банками пива в руках и не буду отрывать глаз от экрана.

– Прежде принеси мне расписки. – И Ричардс мягко закрыл дверь перед носом копа.

Бурбон принесли двадцать минут спустя, и Ричардс изрядно удивил посыльного, попросив прислать ему пару толстых романов.

– Романов?

– Книг. Вы знаете. Читать. Слова. Перелистывать страницы. – Ричардс показал, как это делается.

– Да, сэр. – В голосе посыльного слышалось сомнение. – А что прикажете подать на обед?

Дерьмо собачье, подумал Ричардс. Просто засасывает. Проваливаешься в «очко» и оказываешься по уши в розовом дерьме, которое к тому же благоухает «Шанелью № 5». Но по вкусу то же дерьмо.

– Бифштекс. Зеленый горошек. Картофельное пюре. – Господи, а какой будет ужин у Шейлы? Белковая пиллюля да чашка эрзац-кофе? – Молоко. Яблочный пирог. Запомнишь?

– Да, сэр. Не желаете...

– Нет, – оборвал его Ричардс, на него внезапно навалилась тоска. – Нет. Убирайся. – Есть не хотелось. Ни чуточки.

...Минус 084, отсчет идет...

Ричардс с горечью отметил, что посыльный воспринял его слова буквально: при выборе книг руководствовался лишь их толщиной. Он принес три, о которых Ричардс никогда не слышал: две тисненные золотом, из далекого прошлого, «Бог родом из Англии» и «Совсем не чужой», и один громадный том, написанный три года назад, под названием «Служить – счастье». Ричардс сунулся в одну и тут же скривился. Юноша из бедной семьи делает карьеру в «Дженерал атомикс». Из чернорабочего становится продавцом оборудования. Учится по вечерам (на что, усмехнулся Ричардс, неужели платит компания?). Влюбляется в красивую девушку (вероятно, у нее еще не провалился нос от сифилиса), с которой знакомится на оргии. Занимает должность младшего техника с открывающимися перед ним захватывающими перспективами. Следует заключение трехлетнего брачного контракта, потом...

Ричардс с отвращением отбросил книгу. А вот роман «Бог родом из Англии» увлек его. Он налил себе бурбон, добавил льда и углубился в повествование.

К тому времени как в дверь постучали, он одолел триста страниц и как следует налился: уже уговорил одну бутылку бурбона. Подошел к двери, сжимая в руке вторую. На пороге стоял коп.

– Ваши расписки, мистер Ричардс, – и закрыл дверь.

Шейла ничего не написала, зато послала одну из фотографий Кэти. Ричардс взглянул на нее и почувствовал, как на глазах выступают пьяные слезы. Сунул фотографию в карман, посмотрел на вторую расписку. Чарли Грейди воспользовался транспортным талончиком.

«Спасибо, слизняк. Чтob ты сдох.

Чарли Грейди».

Ричардс хихикнул и бросил бумажку на ковер.

– Спасибо, Чарли, – бросил он пустой комнате. – Именно этого мне и не хватало.

Он достал фотографию Кэти, крошечной, четырех дней от роду, раскрасневшейся, орущей во все горло, укутанной в белое одеяло, которое Шейла сшила своими руками. Почувствовал, как по щекам текут слезы, и заставил себя подумать о благодарственной записке старины Чарли. Задался вопросом, а сможет ли он разделаться со второй бутылкой, прежде чем отключится. Решил провести эксперимент.

Почти разделался.

...Минус 083, отсчет идет...

Ричардс провел субботу, борясь с сильнейшим похмельем. К вечеру почти одолел его и к ужину снова заказал две бутылки бурбона. Справился с обеими и, проснувшись в воскресенье утром, увидел больших гусениц с огромными, полными злобы глазами, медленно сползающих на пол с дальней стены спальни. Тут он понял, что белая горячка во вторник ему ничем не поможет, и завязал со спиртным.

На этот раз похмелье не отпускало Ричардса дольше. Его все время рвало, позывы продолжались, даже когда желудок окончательно опустел. Только в шесть часов организм немного успокоился, и Ричардс заказал суп. И никакого бурбона. Попросил включить музыку, неорок, но она быстро ему надоела.

Лег он рано. Спал плохо.

Большую часть понедельника Ричардс провел на застекленной лоджии, примыкающей к спальне. Находилась она высоко над землей, днем то светило солнце, то шел дождь. Он прочитал два романа, опять лег рано, спал лучше. Зато приснился кошмар: Шейла умерла, и он пришел на ее похороны. Кто-то посадил ее в гробу и набил рот новобаксами. Он пытался подбежать к ней и вытащить деньги, но чьи-то руки схватили его. Двенадцать копов не давали и шагу ступить. Одного он узнал – Чарли Грейди. Улыбаясь, Грейди процедил: «Так случается со всеми, кто проигрывает, слизняк». Они приставляли пистолеты к его голове, когда он проснулся.

– Вторник, – напомнил он себе и скатился с кровати. Посмотрел на настенные часы. Девять минут восьмого. Через одиннадцать часов на всех фри-ви Северной Америки появится заставка «Бегущего человека». Живот скрутило страхом. Через двадцать три часа они возьмут его след.

Он долго стоял под горячим душем, потом надел комбинезон, заказал на завтрак яичницу с ветчиной. Попросил посыльного принести блок «Блэмс».

Остаток утра и первую половину дня спокойно читал. Ровно в два часа в дверь постучали. В гостиную вошли пузатенький Артур М. Бурнс и трое полицейских с электрошоковыми дубинками в руках.

– Пришло время последнего инструктажа, мистер Ричардс, – объяснил Бурнс причину своего появления. – Вас не затруднит...

– Отнюдь. – Ричардс взглянул на страницу, на которой остановился, положил книгу на кофейный столик. Внезапно его охватил ужас, граничащий с паникой. К счастью, пальцы практически не дрожали.

...Минус 082, отсчет идет...

Десятый этаж разительно отличался от тех, что находились ниже, и Ричардс понял, что выше ему уже не подняться. Иллюзия непрерывного подъема, формировавшаяся у ступившего в мрачный вестибюль Нетворк-геймс-билдинг, рассеивалась на десятом этаже. Здесь располагались студии.

Ричардса встретил широкий коридор с белыми стенами. Ярко-желтые кары с электрическими двигателями «Джи-Эй» сновали взад-вперед, развозя специалистов по студиям и пультам.

Такой же кар дожидался их у лифта. Бурнс, Ричардс и трое копов сели на него и покатали по коридору. Им вслед поворачивались головы. Несколько раз на Ричардса указывали рукой. Одна женщина в желтых шортах и топике с эмблемой Игр подмигнула Ричардсу и послала ему воздушный поцелуй. Он показал ей средний палец.

Они все ехали и ехали, один коридор сменялся другим. Ричардс насчитал не менее дюжины студий, среди них – печально известной программы «Денежное колесо».

Наконец они остановились перед дверью с надписью: *БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК. ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН.*

Бурнс помахал рукой охраннику, сидящему в пуленепробиваемой стеклянной будке с дверью-воротами, потом повернулся к Ричардсу:

– Бросьте карточку-удостоверение в щель между будкой и дверью.

Ричардс бросил, и в будке зажглась маленькая лампочка. Охранник нажал на кнопку, дверь открылась. Ричардс залез на кар, они въехали в студию.

– А мое удостоверение? – спросил Ричардс.

– Больше оно вам не понадобится.

Попали они в пульттовую. Непосредственно за пультом управления сидел лысый техник и бубнил в микрофон цифры. Слева за столиком расположились Дэн Киллиан и двое мужчин, которых Ричардс раньше не видел. Перед ними стояли высокие запотевшие стаканы. Лицо одного показалось Ричардсу знакомым. Не мог такой красавчик быть простым техником.

– Привет, мистер Ричардс. Привет, Артур. Не хотите выпить чего-нибудь прохладительного, мистер Ричардс?

Тут Ричардс понял, что пить ему хочется: жарковато на десятом этаже, хотя кондиционеров хватало.

– От «рути-тут» не откажусь.

Киллиан поднялся, прошел к холодильнику, сдернул крышку с пластиковой бутылки. Ричардс сел, взял бутылку, кивком поблагодарил Киллиана.

– Мистер Ричардс, господин, сидящий справа от меня, – Фред Виктор, режиссер программы «Бегущий человек». А Бобби Томпсона вы, несомненно, знаете.

Томпсон, ну конечно. Ведущий программы. Модного покроя зеленая, слегка переливающаяся туника, грива отливающих серебром волос. Ричардс подумал, что природе такая роскошная седина не под силу.

– Подкрашиваетесь? – спросил Ричардс.

Брови Томпсона изогнулись.

– Простите?

– Не важно.

– Будем снисходительны к мистеру Ричардсу, – с улыбкой вмешался Киллиан. – Очень ему нравится грубить.

– Это понятно. – Томпсон закурил. Ричардсу вдруг почудилось, что все это происходит во сне, не наяву. – Учитывая обстоятельства.

– Проходите со мной, мистер Ричардс, если вас это не затруднит. – Виктор взял инициативу на себя. Подвел Ричардса к экранам у одной из стен. Техник закончил диктовать цифры и вышел.

Виктор нажал две кнопки, и на двух экранах появилась сцена студийного зала программы «Бегущий человек». На одном – вид справа, на другом – слева.

– Репетиций мы не устраиваем. Считаю, что они лишают программу естественности. Бобби действует сообразно с ситуацией и весьма в этом преуспел. В эфир мы выходим в шесть вечера, по времени Хардинга. Бобби стоит посередине сцены, на синем возвышении. За ним вступительное слово, он кратко охарактеризует вас. Потом на экране высветят пару фотографий. Вы будете стоять за кулисами, справа от сцены, с двумя охранниками по бокам. На сцену они выйдут вместе с вами, вооруженные автоматами. Если б мы действительно ждали от вас сюрпризов, то дали бы им дубинки. Автоматы же, сами понимаете, смотрятся эффектнее.

– Нет вопросов, – кивнул Ричардс.

– Зрители принимают активное участие в шоу. Мы приглашаем их для зрелищности. Как на матче по киллболу.

– Они будут стрелять в меня липовыми пулями? Вы можете засунуть мне под одежду мешочки с красной краской, чтобы они рванули в нужный момент. Для усиления эффекта.

– Пожалуйста, слушайте внимательно, – невозмутимо продолжил Виктор. – Вы и охрана выйдете на сцену, как только вас позовут. Бобби возьмет у вас интервью. Чувствуйте себя совершенно свободно. Говорите что угодно, в выражениях можете не стесняться. Зрелищность шоу от этого только выигрывает. Потом, примерно в шесть десять, перед первой рекламной паузой, вы получите деньги и уйдете за левую кулису. Это понятно?

– Да. А как насчет Лафлина?

Виктор нахмурился, закурил.

– Он идет после вас, в четверть седьмого. Мы задействуем двух игроков одновременно, потому что зачастую одному из них... э... не удастся уйти от Охотников.

– А третий – запасной?

– Мистер Джански? Да. Но вас это не касается, мистер Ричардс. Когда вы уйдете со сцены, вам вручат видеокамеру размером с мыльницу. Весит она шесть фунтов. А вместе с ней вы получите шестьдесят видеокассет, каждая длиной четыре дюйма. Все это уместится в кармане пальто. Триумф современной технологии.

– Превосходно.

Виктор поджал губы.

– Как уже говорил вам Дэн, Ричардс, игрок вы только для зрителей. А на деле вы – наш сотрудник и должны это правильно понимать. Видеокассеты достаточно бросить в любой почтовый ящик. Курьер незамедлительно доставит их нам, чтобы мы успели их смонтировать и показать тем же вечером. Если не сумеете отправлять нам две видеокассеты в день, денег вы не получите.

– Но за мной по-прежнему будут охотиться.

– Верно. Так что не забывайте про отправку видеокассет. Они не выдадут вашего местонахождения. Охотники действуют совершенно независимо от службы трансляции.

Ричардс в этом сильно сомневался, но промолчал.

– После того как вам выдадут видеокамеру и кассеты, вас проводят к лифту. Вы выйдете на Валовую улицу. Далее все будет зависеть только от вас. – Он помолчал. – Есть вопросы?

– Нет.

– Тогда мистер Киллиан утрясет с вами еще один денежный вопрос.

Они вернулись к столу, где Дэн Киллиан о чем-то оживленно беседовал с Артуром М. Бурнсом. Ричардс попросил еще одну бутылку «рути-тут» и получил ее.

– Мистер Ричардс. – На мгновение блеснули белые зубы Киллияна. – Как вы поняли, студию вы покинете безоружным. Но это не значит, что вам запрещено вооружиться как легальным путем, так и любым другим. Отнюдь! Вы или ваши наследники получите дополнительно сто новодолларов за каждого Охотника или представителя закона, с которыми сумеете... разделаться...

– Я знаю, можете не продолжать, – оборвал его Ричардс. – Так эффективнее.

Киллиян радостно улыбнулся:

– Вы все схватываете на лету. Да. Однако не пытайтесь отправить в мир иной невинных прохожих. Это негуманно.

Ричардс промолчал.

– Еще одна особенность нашей программы...

– Стукачи и операторы-любители. Я знаю.

– Они не стукачи, а добропорядочные граждане Северной Америки. – Ричардс не мог понять, то ли Киллиян говорит серьезно, то ли иронизирует. – И потом, всем известен номер телефона, по которому бесплатно может позвонить каждый, кто заметит вас. Если свидетели подтвердят, что кто-то вас видит, этот человек получит сто новодолларов. Если же сообщение позволит Охотникам убить вас – тысячу. Операторам-любителям мы платим по десять долларов за каждый фут пленки...

– Вы зарабатываете пенсион на Ямайке кровавыми деньгами, – со злостью выкрикнул Ричардс. – Вы...

– Достаточно, – мягко, но решительно осадил его Киллиян.

Бобби Томпсон полировал ногти. Виктор уже вышел из пультавой и где-то далеко требовал переставить камеру.

Киллиян нажал на кнопку.

– Мисс Джонс? Клиент готов, дорогая. – Он встал, протянул руку. – Теперь вам в гримерную, мистер Ричардс. Потом светопробы. Ваша комната – за кулисами, и увидимся мы теперь только у лифта. Так что...

– Вот и отлично. – Руки Киллияну он не пожал.

Мисс Джонс увела его. Часы показывали половину третьего.

...Минус 081, отсчет идет...

Ричардс стоял за кулисами, между двумя охранниками, и слушал, как публика неистово аплодирует Бобби Томпсону. Он нервничал. Клял себя за это, но нервничал. Не удавалось ему взять себя в руки, и все. Программа «Бегущий человек» уже минута как вышла в эфир.

– Первый участник нашей сегодняшней игры – изобретательный и решительный парень, который живет в нашем же городе, к югу от Канала, – говорил Томпсон. На экране высветилась фотография Ричардса в мешковатой серой рубашке, сделанная скрытой камерой несколько дней тому назад, как ему показалось, на пятом этаже. Ричардс отметил, что фотографию немного отретушировали: глаза западали чуть больше, чем в реальности, лоб стал ниже, щеки ввалились, рот хищно щерился. Короче, экранный Ричардс вызывал ужас, превратившись в городского ангела смерти, жестокого, не слишком умного, но наделенного звериной хитростью. Настоящее пугало для жителей богатых кварталов.

– Зовут его Бенджамин Ричардс, ему двадцать восемь лет. Запомните это лицо! Через полчаса этот человек выйдет на улицы города. Подтвержденное свидетельство о его местонахождении принесет вам сто новодолларов! Информация, которая позволит его убить, – тысячу!

Голова Ричардса шла кругом. Он едва сдерживался, чтобы не завывать от ужаса.

– ...а это женщина, которая получит награду Бенджамина Ричардса после его смерти, если это произойдет.

Портрет не многим напоминал Шейлу. Тут уж потрудился не ретушер, а художник. Нежное, пусть и некрасивое лицо разительно изменилось. Шейла превратилась в настоящую гарпию. Полные кроваво-красные губы, глаза навывкате сверкали алчностью. Двойной подбородок свисал чуть ли не до обнаженной груди.

– *Мерзавец!* – ахнул Ричардс. Рванулся вперед, но сильные руки удержали его.

– Остынь, приятель. Это всего лишь картинка.

А мгновением позже его то ли вывели, то ли вытащили на сцену.

Зрители отреагировали мгновенно. Студия взорвалась криками: «Ату его! Подонок! Гнать его вон! Убить его! Убить! Вон отсюда! Вон!»

Бобби Томпсон поднял руки, требуя тишины:

– Давайте послушаем, что он скажет.

Публика не сразу, но угомонилась.

Ричардс, набычившись, стоял под яркими лучами юпитеров. Он знал, что излучает ауру ненависти и злобы, как и хотелось организаторам шоу, но ничего не мог с собой поделать.

Он сверлил Томпсона взглядом налитых кровью глаз.

– Кое-кому придется сожрать собственные яйца за такую фотографию моей жены.

– Говорите, говорите, мистер Ричардс! – Голос Томпсона сочился презрением. – Вам за это ничего не будет... по крайней мере пока.

Зрители ответили неистовым ревом.

Ричардс резко развернулся к ним, и они замолчали, как от хорошей оплеухи. Испуг в глазах женщин смешивался с сексуальным возбуждением. Мужчины не пытались скрыть ненависти к нему.

– Мерзавцы! – проорал он. – Если вам так хочется посмотреть, как кто-то умирает в мучениях, почему не перестреляете друг друга?

Последние слова Ричардса потонули в новом шквале криков. Некоторые зрители (возможно, им за это заплатили) попытались прорваться на сцену. Копы сдерживали их. Ричардс стоял к ним лицом, отдавая себе отчет, каким они его видят.

– Позвольте поблагодарить вас, мистер Ричардс, за мудрый совет. – Толпа внимала сарказму, звучавшему в голосе Томпсона. – Не желаете сказать нашим зрителям как в студии, так и у экранов фри-ви, сколь долго вы рассчитываете продержаться?

– Я хочу сказать всем, и в студии, и у экранов фри-ви, что они видели не мою жену! Это дешевая подделка...

Толпа заглушила его. Крики ненависти достигли пика. Томпсон подождал с минуту, пока зрители чуть утихнут, потом повторил вопрос:

– Так сколь долго вы намерены продержаться, *мистер Ричардс*?

– Я намерен продержаться все тридцать дней, – холодно ответил Ричардс. – И не думаю, что у вас есть человек, который сможет до меня добраться.

Опять крики. Взметнувшиеся кулаки. Кто-то бросил на сцену помидор.

Бобби Томпсон повернулся лицом к залу, закричал:

– Оставим бравату на совести мистера Ричардса. С этими словами и отпустим его. Охота начнется завтра в полдень. *Запомните его лицо!* Он может оказаться рядом с вами в пневмо-автобусе... в самолете... в стереотеатре... на местном стадионе, где играют в киллбол. Сегодня он в Хардинге. Завтра в Нью-Йорке? Бойсе? Альбукерке? Колумбусе? Во дворе вашего дома? *Вы донесете на него?*

– ДА-А-А-А!!! – проревели они.

И тут Ричардс показал им средний палец, два пальца – на обеих руках. На этот раз на сцену попытались прорваться не за деньги. Ричардса увели, прежде чем толпа разорвала бы его в студии, прямо перед камерой, лишив Сеть череды захватывающих репортажей.

..Минус 080, отсчет идет...

Киллиян ждал его за кулисами, сияя от удовольствия.

– Блестящее выступление, мистер Ричардс. Блестящее! Господи, какая жалость, что я не могу дать вам премию. Эти пальцы... бесподобно!

– Всегда рады ублажить зрителя. – На мониторах уже пошла реклама. – Давайте мне вашу чертову камеру и валите на хер.

– С последним, боюсь, не получится, – Киллиян все улыбался, – а камера – вот она. – Он взял камеру у техника, передал Ричардсу. – Полностью снаряженная, готовая к работе. А это кассеты. – Он отдал Ричардсу небольшую, но на удивление тяжелую коробочку, завернутую в клеенку.

Ричардс сунул камеру в один карман, кассеты – в другой.

– Годится. Где лифт?

– Не так быстро, – остановил его Киллиян. – Ваша двенадцатичасовая фора отсчитывается с половины седьмого.

С экранов вновь донеслись крики ярости. Обернувшись, Ричардс увидел вышедшего на сцену Лафлина. У него защемило сердце.

– Вы мне нравитесь, Ричардс, и, думаю, выступите вы неплохо, – продолжил Киллиян. – Есть в вас грубоватый шарм, который я очень ценю. Я – коллекционер, знаете ли. Сфера моих интересов – пещерное искусство и Древний Египет. Вы в большей степени соответствуете наскальной живописи, чем египетским урнам, но это не важно. Хотелось бы сохранить вас, для коллекции, так же как сохраняются мои наскальные рисунки из Азии.

– Можешь сохранить запись моей проверки на детекторе лжи, гад. Благо она есть в досье.

– Вот я и хочу дать вам совет. – Киллиян словно и не слышал его. – У вас нет ни единого шанса. Никому не устоять против населения всей страны и Охотников, отлично натренированных, активно использующих последние достижения научно-технического прогресса. Но если залечь на дно, вы протянете дольше. Используйте ноги, а не оружие, которое вам удастся раздобыть. И держитесь своих. – Он ткнул пальцем в грудь Ричардса, дабы подчеркнуть значение последних слов. – Не рассчитывайте на средний класс, представителей которого вы видели в студии. Они вас ненавидят. Вы символизируете для них все страхи нашего трудного времени. Не думайте, Ричардс, что реакция публики щедро оплачена. *Они действительно вас ненавидят.* За смелость, мужество. Вы это почувствовали?

– Да, – кивнул Ричардс. – Почувствовал. Я их тоже ненавижу.

Киллиян улыбнулся.

– Потому-то им и хочется вас убить. – Он сжал плечо Ричардса. Рука у него оказалась на удивление сильной. – Сюда.

А за их спинами Бобби Томпсон, к радости зрителей, обливал грязью Лафлина.

По коридору они прошли вдвоем, сопровождаемые лишь гулким эхом шагов. В конце их ждали сдвинутые двери кабины лифта.

– Здесь мы расстанемся, – молвил Киллиян. – На улицу попадете без остановки. За девять секунд.

В четвертый раз он протянул руку, и опять Ричардс ее не пожал. Хотя на какое-то мгновение такое желание у него возникло.

– А если я смогу подняться наверх? – Он указал на потолок, десятки и десятки этажей наверху. – Кого мне там убить? Кого мне убить, если я поднимусь до самого верха?

Киллиян рассмеялся и нажал кнопку. Двери разошлись.

– Вот это мне в вас и нравится, Ричардс. Вы мыслите по-крупному.

Ричардс шагнул в кабину. Двери начали сходиться.

– Не высовывайтесь, – повторил Киллиан, и Ричардс остался один.

Кабина ухнула вниз, и желудок Ричардса едва не выскочил из горла: от свободы его отделили считанные секунды.

...Минус 079, отсчет идет...

Две кабины открылись прямо на улицу. Перед воротами Мемориального парка Никсона стоял коп. На Ричардса он даже не посмотрел. Стоял и стоял, хлопывая электрошоковой дубинкой по ладони, вглядываясь в морось, висящую в воздухе.

Моросящий дождь принес с собой ранние сумерки. Переходы в тени Геймс-билдинг более всего напоминали бесплотные тени, и Ричардс полагал, что он ничем не отличается от остальных. Он глубоко вдохнул влажный, пахнувший серой воздух. Хорошо, однако. Он словно вышел из тюрьмы. Хороший воздух. Отличный воздух.

Держитесь своих, посоветовал ему Киллиан. Ричардс не собирался с ним спорить. В этом совет Киллиана ему не требовался. Не сомневался он и в другом: именно в Ко-Оп-Сити поиски будут наиболее интенсивными, и начнутся они ровно в полдень, с завершением перемирия. Но к тому времени он будет уже далеко.

Он прошагал три квартала, поймал такси. Надеялся, что фри-ви будет сломан, как в большинстве машин, но в этой экран ярко светился последними кадрами программы «Бегущий человек».

Не повезло, мысленно вздохнул Ричардс.

– Куда, приятель?

– Робард-стрит. – И останется пять кварталов до цели. К дому Моули он мог пробраться дворами.

Автомобиль набрал скорость, древний бензиновый мотор чихал и кашлял. Ричардс откинулся на спинку сиденья, стараясь уйти в тень.

– Слушай, а ведь я только что видел тебя по фри-ви! – воскликнул таксист. – Ты же Причард!

– Причард. Все так, – смиренно признал Ричардс. Геймс-билдинг остался позади. И его громада уже не давила на него, хотя ему и не повезло с таксистом.

– Господи, а ты смельчак. Точно говорю. Настоящий смельчак. Знаешь что? Они же тебя убьют. Не задумываясь. Да, ты смельчак.

– Есть такое. Никуда не денешься.

– Никуда не денешься! – Таксист аж подпрыгивал от волнения. – Ну, здорово. Круто! Не возражаешь, если я скажу жене о том, что подвозил тебя? Она от этих Игр просто слюной исходит. Я бы с радостью заложил тебя, но смысла в этом нет. Для этого у таксиста должен быть хотя бы один свидетель. А никто не видел, как ты садился ко мне в машину, так?

– Да уж, тут удача от тебя отвернулась. К сожалению, ты ничем не поспособствуешь моей смерти. Или оставить тебе записку: «Я здесь был»?

– Господи, а ты можешь? Вот...

Они как раз пересекли Канал.

– Я выйду здесь, – резко бросил Ричардс. Достал новобакс из конверта, полученного от Томпсона, бросил на переднее сиденье.

– Слушай, я же ничего такого не говорил, а? Я не собирался...

– Не собирался, – согласился Ричардс.

– А записку-то...

– Отвали, гнида.

Он выскочил из такси и зашагал к Драммонд-стрит. В темноте на него надвигался Ко-Оп-Сити. Сзади долетел вопль таксиста:

– *Надеюсь, они быстро поймут тебя, дешевка!*

...Минус 078, отсчет идет...

Через двор, через дыру в заборе, отделяющем одну асфальтовую пустошь от другой, через заброшенную строительную площадку, назад в тень, чтобы не угодить под колеса летящего, ревушего грузовика, фары – горящие глаза вервольфа. Наконец прыжок через последний забор (поцарапав руку), и он уже стучал в дверь черного хода Моули Джернигана, одновременно и парадную.

Моули держал на Портовой улице ломбард-магазин, где состоятельный покупатель мог приобрести полицейскую электрошоковую дубинку, полностью снаряженный автомат, героин, пуш, кокаин, любые «колеса», пластиковую псевдоженщину, обычную шляху, если на пластик денег не хватало, один из адресов трех подпольных казино, текущий адрес постоянно переезжающего с места на место Клуба извращенцев и многое, многое другое, запрещенное законом. Если у Моули не было необходимого клиенту товара, он знал, где заказать.

Доверенные лица могли приобрести у него и подложные документы.

Когда Моули выглянул в смотровое окошечко и увидел, кто стоит у него на пороге, он отечески улыбнулся:

– Почему бы тебе не уйти, приятель? Я тебя никогда не видел.

– Новобаксы, – коротко ответил Ричардс.

Последовала пауза. Ричардс внимательно разглядывал манжету рубашки.

Замки и засовы открылись быстро, словно Моули боялся, что Ричардс передумает.

Ричардс вошел. И попал в комнатку за торговым залом, где хранились старые журналы, краденые музыкальные инструменты, краденая видеотехника, коробки с продуктами. По необходимости Моули приходилось играть роль Робин Гуда. Южный берег Канала имел свою специфику. Едва ли Моули долго оставался бы в деле, если б жадничал. С богатеньких из центра он драл три шкуры, соседям продавал практически по себестоимости, иной раз и ниже, если видел, что человека сильно приперло. Поэтому в Ко-Оп-Сити его уважали и берегли. Если коп спрашивал стукача (а их число измерялось сотнями) о Моули Джернигане, ему отвечали, что Моули уже впадает в старческий маразм и приторговывает по мелочам левым товаром. Некоторые уважаемые горожане из центра, с необычными сексуальными наклонностями, могли бы рассказать кое-что еще, но полиции нравов давно уже не существовало. Все знали, что в среде порока нет места революционным настроениям. Не знали в полиции и о том, что Моули приторговывает и поддельными документами: последняя услуга оказывалась исключительно жителям Ко-Оп-Сити. Однако Ричардс понимал, что тот, кто брался за изготовление документов для такого, как он, навлекал на себя смертельную опасность.

– Какие нужны документы? – спросил седой как лунь Моули – ему давно перевалило за семьдесят, – тяжело вздохнув и включив лампу, залившую ярким белым светом рабочий стол.

– Водительское удостоверение. Военный билет. Идентификационный талон. Налоговая карточка. Пенсионное удостоверение.

– Нет проблем. Шестьдесят баксов для любого, кроме тебя, Бенни.

– Ты сделаешь?

– Для твоей жены – да. Для тебя – нет. Не собираюсь совать голову в петлю ради такого психа, как Бенни Ричардс.

– Сколько потребуется времени, Моули?

Глаза Моули хитро блеснули.

– Учитывая обстоятельства, я потороплюсь. Час на каждый документ.

– Господи, пять часов... можно я пойду...

– Нет, не пойдешь. Ты совсем рехнулся, Бенни? На прошлой неделе к твоему дому подъезжает коп. С конвертом для твоей жены. В «черном вагоне» с шестью приятелями. Флеппер

Донниган и Джерри Ханрахан торчали на углу, когда они приехали. Флеппер рассказывает мне все. Парень болтлив, ты знаешь.

– Я знаю, что Флеппер болтлив, – нетерпеливо бросил Ричардс. – Я посылал ей деньги. Она...

– Кто знает? Кто видит? – пожал плечами Моули, выкладывая на стол бланки, ручки, печати. – Дом они окружили в четыре ряда, Бенни. Если кому захочется заглянуть к ней и принести свои соболезнования, его запихнут в кутузку и отметелят резиновыми дубинками. Даже хорошим друзьям это ни к чему. И деньги, которые теперь есть у твоей жены, тут не помогут. Фамилию любую или...

– Любую, только английскую. Господи, Моули, ей же надо ходить за продуктами. И врач...

– Она посылает сына Баджи О'Санчеса. Как там его зовут?

– Уолт.

– Точно. Теперь такие мелочи в памяти не задерживаются. Старею, Бенни. Теряю форму. – Он вскинул глаза на Ричардса. – Я еще помню время, когда Мик Джаггер ходил в знаменитостях. Ты небось понятия не имеешь, кто он такой, так?

– Знаю я, кто он такой. – Ричардс, нахмурившись, повернулся к окну. Все оказалось хуже, чем он рассчитывал. Шейла и Кэти тоже в клетке. До того момента, пока...

– С ними все в порядке, Бенни, – мягко заметил Моули. – Просто держись от них подальше. Ты меня понял?

– Да. – Внезапно на него накатил вал черного отчаяния. *Я тоскую по дому*, удивленно подумал он. Но мучило его и другое. Он чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Все рушилось, валилось. Перед мысленным взором замелькал калейдоскоп лиц: Лафлин, Бурнс, Киллиян, Джански, Моули, Кэти, Шейла...

Дрожа всем телом, он вглядывался в темноту. Моули работал, напевая какую-то песенку из далекого прошлого, что-то насчет глаз Бетт Дэвис, кто она такая, черт побери?

– Он был барабанщиком, – вдруг вырвалось у Ричардса. – В английской группе, которая называлась «Битлз». Мик Маккартни.

– Ох уж эта молодежь. – Моули не отрывался от работы. – Все-то вы знаете.

...Минус 077, отсчет идет...

От Моули он вышел в десять минут первого, оставив у него тысячу двести новобаксов. Моули также продал ему простенькие, но достаточно эффективные средства изменения внешности: седой парик, очки, каучуковые защечные вставки, пластмассовые накладные зубы, изменяющие линию губ.

– Прихрамывай, – посоветовал ему Моули. – Чуть-чуть, чтобы не привлекать особого внимания. Помни, ты можешь туманить людям разум, если того захочешь. Знаешь, откуда эта строчка, не так ли?

Ричардс не знал.

С новыми документами он стал Джоном Гриффеном Спрингером, коммивояжером из Хардинга, торгующим обучающими программами. Сорок три года, вдовец, без статуса техника. Оно и к лучшему: техники говорили на своем, особом языке.

На Робард-стрит Ричардс вернулся в половине первого, удачное время для тех, кому охота попасть в руки насильников, грабителей или убийц. А вот чтобы скрыться незамеченным, он мог бы подобрать более удачный час. Но, с другой стороны, к югу от Канала он жил с рождения.

Канал он пересек в двух милях западнее, у самого озера. По пути встретил компанию пьяниц, веселящихся у костра, нескольких крыс, но ни одного копа. В четверть второго пересекал ничейную землю на северном берегу Канала, лавируя между складами, дешевыми барами, конторами судовладельцев. В половине второго на улицах все чаще встречались добропорядочные жители центра, жаждущие ночных наслаждений. Так что такси он остановил, не вызвав ни малейшего подозрения.

Водитель даже не взглянул на него.

– Аэропорт, – бросил Ричардс.

– Будет сделано, приятель, – последовал ответ.

Дорога по пустому шоссе не заняла много времени. Без десяти два Ричардс вошел в здание аэропорта. Прохромал мимо нескольких копов и сотрудников службы безопасности, не вызвав у них ни малейшего интереса. Купил билет до Нью-Йорка. Действительно, куда еще он мог полететь? На проверку документов, рутинное дело, ушло несколько секунд. Самолет вылетел в двадцать минут третьего. С Ричардсом летело человек сорок, в основном бизнесмены и студенты. Коп в своей пуленепробиваемой будке проспал весь полет. Какое-то время подремал и Ричардс.

Приземлились они в шесть минут четвертого. И нью-йоркский аэропорт Ричардс покинул без приключений.

В четверть четвертого такси уже въезжало на Линдсей-оверуэй. Центральный парк они пересекли по диагонали, и в двадцать минут четвертого Бен Ричардс растворился в чреве самого большого города планеты.

...Минус 076, отсчет идет...

Он остановил свой выбор на отеле «Брант» в Ист-Сайде. Этот район переживал очередной подъем, но тем не менее располагался неподалеку от трущоб Манхэттена, также самых больших в мире. Убедившись в этом, Ричардс вновь вспомнил слова Дэна Киллияна: «Держитесь своих».

Выйдя из такси, он зашагал к Таймс-сквер. Ему не хотелось регистрироваться в отеле до рассвета: зачем привлекать к себе лишнее внимание. Пять с половиной часов, с половины четвертого до девяти, он просидел на ночном шоу для извращенцев. Безумно хотелось спать, и пару раз он таки начинал дремать, но тут же просыпался от легких прикосновений пальцев к бедру.

– Сколько вы намерены у нас пробыть? – спросил портье, глянув на регистрационную карточку, заполненную на имя Джона Г. Спрингера.

– Не знаю. – Ричардс постарался ответить как можно дружелюбнее. – Все зависит от покупателей, вы же понимаете. – Он заплатил шестьдесят новобаксов за двое суток и поднялся на лифте на двадцать третий этаж. Из окна открывался мрачный вид на Ист-Ривер. В Нью-Йорке тоже лил дождь.

Номер ему достался чистенький и безликий. Из примыкающей к спальне ванной доносились неприятные, в чем-то зловещие звуки: тек бачок. Справиться с ним Ричардсу не удалось, хотя он несколько раз дернул за ручку спускного клапана.

Завтрак он заказал в номер: гренок с яйцом, апельсиновый напиток, кофе. Когда коридорный принес поднос, с чаевыми перебарщивать не стал, чтобы клиент не запал в память.

Позавтракав, достал видеокамеру. Под видеоискателем блестела металлическая табличка с надписью: ИНСТРУКЦИИ. Ниже Ричардс прочитал:

«1. Вставьте видеокассету в прорезь, отмеченную буквой А. Когда кассета встанет на место, раздастся щелчок.

2. Наведите видеокамеру на нужный объект с помощью перекрестия в объективе.

3. Нажмите кнопку, отмеченную буквой В, чтобы включить микрофон.

4. После звукового сигнала кассета выскочит автоматически.

Время записи – 10 минут».

Отлично, подумал Ричардс. Они смогут посмотреть, как я сплю.

Он поставил видеокамеру на комод рядом с Библией и навел ее на кровать и пустую стену за ней. Едва ли кто смог бы определить по такой стене, в каком отеле велась съемка. Уличный шум такой высоты практически не достигал, но на всякий случай Ричардс пустил воду в душе.

И уже хотел начать съемку, когда вспомнил, что изменил внешность. Конечно, накладные зубы и очки он мог снять, а вот парик – нет. Выход он нашел без труда: натянул на голову наволочку. Затем включил видеокамеру, вернулся к кровати и сел лицом к объективу.

– Ку-ку, – глухим голосом обратился Бен Ричардс ко всем тем, кто вечером с замирающим сердцем будет смотреть и слушать его. – Вы этого не видите, но я просто гогочу над вами, говноеды.

Он лег, закрыл глаза, но ничего другого придумать не смог. Когда десять минут спустя кассета выскочила из прорези, он уже крепко спал.

...Минус 075, отсчет идет...

Проснулся он в четыре пополудни – охота началась три часа назад, учитывая часовые пояса. От этой мысли его прошиб пот.

Он вставил в камеру новую кассету, взял Библию, и десять минут раз за разом повторял вслух десять заповедей, не снимая с головы наволочку.

В ящике стола лежали конверты, но все с названием отеля и адресом, напечатанным на лицевой стороне. Колебался он недолго, понимая, что любое решение мало что изменит. С одной стороны, приходилось верить Киллиану, утверждавшему, что Маккоун и его Охотники не имеют доступа к переписке с ним и не смогут догадаться о его местонахождении по почтовому штемпелю. С другой – без писем не обойтись. Почтовыми голубями его не снабдили.

Почтовый ящик стоял у лифта. С тяжелым сердцем Ричардс бросил кассеты в отделение междугородной корреспонденции. Хотя почтовая служба не получала денег от Корпорации Игр за информацию о местонахождении игроков, риск был слишком велик. Но в противном случае грозила приостановка платежей, а на это он пойти не мог.

Он поднялся в номер, выключил душ, ванная уже превратилась в парную, лег на кровать, задумался.

Куда бежать? Как определить оптимальный вариант?

Он попытался взглянуть на ситуацию как бы со стороны. Как поступил бы на его месте среднестатистический игрок? Первый импульс – следуй инстинкту, доставшемся от далеких предков. Затаись. Прильни к земле. Вырой нору и залезь в нее.

Так он и поступил. Снял номер в отеле «Брант».

Ждут ли от него Охотники такого шага? Да. Они будут искать совсем не бегущего – прячущегося.

Смогут они отыскать его нору?

Ему очень хотелось ответить, что нет, но обольщаться он не имел права. Да, облик он изменил, но все делалось в спешке. Наблюдательных людей не много, но они есть. Возможно, его уже засекли. Портье. Коридорный, который приносил завтрак. Может, кто-то из любителей шоу для извращенцев на Сорок второй улице.

Маловероятно, но возможно.

А его липовые документы, сработанные Моули? Надолго ли их хватит? Таксист, который вез его от Нетворк-геймс-билдинг, обязательно покажет, что он отправился в Южный город. И Охотники не зря едят свой хлеб. Они как следует тряхнут всех его знакомых, от Джека Крейгера до Эйлин Дженнер, этой сучки, что жила с ним на одном этаже. Не просто тряхнут, а размажут по стенке. И сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь, к примеру, слабак Флеппер Донниган, сболтнет, что Моули изготавливает желающим подложные документы? А если они выйдут на Моули, он расколется. Поначалу, конечно, поупирается, не будет возражать и против того, чтобы ему пару раз двинули в ухо: потом будет оправдываться боевыми шрамами. С тем чтобы однажды ночью его хибара не вспыхнула свечкой. А потом? Элементарная проверка трех аэропортов Хардинга покажет, что Джон Г. Спрингер глубокой ночью улетел в Нью-Йорк.

Если они нашли Моули.

Исходи из того, что найдут. Ты обязан исходить из того, что найдут.

Значит, бежать. Куда?

Он не знал. За всю жизнь он ни разу не выезжал за пределы Хардинга. Никого не знал даже там, на Среднем Западе. И уж тем более на Восточном побережье. Не было места, где он мог чувствовать себя своим. Так куда? Куда?

Он и сам не заметил, как погрузился в тревожный, нервный сон. Моули они нашли без труда. В течение пяти минут выяснили, что Ричардс стал Спрингером после того, как выдернули два ногтя, залили пупок бензином и пригрозили поднести к нему зажигалку. Сразу же узнали номер рейса и прибыли в Нью-Йорк в половине третьего по местному времени. А сейчас они уже окружают отель. Места коридорных, официантов, швейцаров занимают Охотники. Полдюжины затаились у пожарной лестницы. Еще пятьдесят – у лифтов. Гораздо больше кружит вокруг отеля в пневмокарах. Вот они в холле, сейчас вышибут дверь и ворвутся в номер, чтобы вытащить его на всеобщее обозрение и превратить в гамбургер.

Ричардс сел, обливаясь потом. А он даже не вооружен.

Бежать! Быстро!

Для начала сойдет и Бостон.

...Минус 074, отсчет идет...

Номер он покинул в пять вечера, спустился в вестибюль.

– Добрый день, мистер... э...

– Спрингер, – улыбнулся Ричардс. – Похоже, мне везет, старичок. Три клиента... проявили интерес. Придется задержаться в вашем замечательном отеле еще на пару дней. Я могу заплатить вперед?

– Разумеется, сэр.

Деньги поменяли хозяина. По-прежнему улыбаясь, Ричардс поднялся в номер. В коридоре ни души. Он повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и направился к пожарной лестнице.

Ему сопутствовала удача, по пути никто не встретился. Он спустился вниз и незамеченным выскользнул через боковую дверь.

Дождь перестал, но над Манхэттеном плыли низкие тучи. В воздухе стоял резкий запах электролита. Ричардс шел быстро, забыв про хромоту, держа курс на автовокзал. Билеты на «грейхаунд» по-прежнему продавались без предъявления удостоверения личности.

– Бостон, – бросил он бородатому кассиру.

– Двадцать три бакса, приятель. Автобус отходит ровно в шесть пятнадцать.

Он отдал деньги. Из выданной Томпсоном суммы у него осталось чуть меньше трех тысяч новобаксов. До отхода автобуса оставался час, автовокзал кишел людьми, то и дело на глаза попадались солдаты Добровольческой армии, в синих беретах, с мальчишескими, но жестокими лицами. Он купил порнографический журнал, сел и закрылся им. Так и просидел час, уставившись на него, изредка переворачивая страницу, чтобы не вызывать подозрений.

Когда автобус подкатил к терминалу, он захромал к открывшимся дверям.

– Эй! Эй, ты!

Ричардс огляделся. К нему бежал коп. Он застыл, не в силах сдвинуться с места. Какая-то часть мозга исходила криком: беги, беги, беги, а не то с тобой разделаются прямо здесь, на заплыванном жвачкой полу автовокзала, среди стен, исписанных похабщиной. Беги, а не то станешь добычей тупоголового копа.

– Остановите его! Остановите этого парня!

Коп бежал не к нему. Показывал не на него. У Ричардса отлегло от сердца. Коп бежал за оборванцем, который слямзил дамскую сумочку и теперь бежал к лестнице, расталкивая идущих навстречу.

Он и его преследователь взлетели по ступеням, исчезли. Отъезжающие, приезжающие, встречающие проводили их взглядами, а затем вернулись к прежним занятиям, словно ничего и не произошло.

Ричардс встал в очередь, его трясло.

Он плюхнулся на сиденье в конце салона, а несколько минут спустя автобус мягко отъехал от терминала и влился в транспортный поток. Коп и его жертва растворились в человеческом море.

Если бы у меня был пистолет, я бы его прикончил, думал Ричардс. Господи, о Господи.

А в голове зазвучала другая мысль: *в следующий раз он будет гнаться не за мелким воршишкой – за тобой.*

И в Бостоне надо обязательно разжиться пистолетом. Любым способом.

Ричардс вспомнил обещание Лафлина выкинуть из окна нескольких копов, прежде чем те отправят его к праотцам.

В сгущающихся сумерках автобус катил на север.

...Минус 073, отсчет идет...

Здание бостонского отделения ИМКА¹⁰, огромное, почерневшее от времени, старомодное, располагалось на Хейнингтон-авеню. В середине прошлого столетия этот район считался в Бостоне едва ли не самым престижным. Теперь здание служило стыдливым напоминанием о других днях, другой эпохе, а его неоновая вывеска подмигивала всеми своими буквами кварталу порнографических кинотеатров, где христианством, мягко говоря, и не пахло.

Когда Ричардс вошел в вестибюль, портье яростно спорил с немывтым негритенком, одетым в блузу для киллбола, такую длинную, что из-под нее торчали только манжеты джинсов.

– Я потерял мой пятицентовик, хонки. Я потерял мой гребаный пятицентовик.

– Если ты сейчас не уберешься отсюда, я вызову охрану, парень. Вот и все. Я тебе все сказал.

– Но этот чертов автомат сожрал мой пятицентовик!

– Прекрати ругаться при мне, маленький негодяй. – Портье, выглядел он лет на тридцать, протянул руку, схватил негритенка за грудки, потрянул. – Убирайся отсюда. Не о чем нам больше говорить.

Видя, что портье настроен серьезно, негритенок чуть не расплакался.

– Послушай, это же единственный пятицентовик, который у меня был. Дермовый автомат сожрал мой пятицентовик, а жвачку не дал. Это...

– Я звоню в охрану. – Портье повернулся к коммутатору. Его пиджак, явно с чужого плеча, висел на нем как на вешалке.

Негритенок пнул ногой автомат, зажавший жевательную резинку, и выбежал из вестибюля, крикнув на прощание:

– Дермовая белая свинья. Гребаный сукин сын!

Портье проводил его взглядом, так и не нажав на кнопку вызова охраны, настоящую или выдуманную. Улыбнулся Ричардсу, в ряду зубов чернели прорехи.

– С этими ниггерами просто сладу нет. Если б я руководил Сетью, то держал бы их в клетках.

– Он действительно остался без пятицентовика? – спросил Ричардс, расписавшись в регистрационной книге как Диган из Мичигана.

– Если и остался, то этот пятицентовик он наверняка украл, – ответил портье. – Я в этом не сомневаюсь. А вот если бы я дал ему пятицентовик, то к вечеру две сотни попрошаек требовали бы у меня того же. Кто их только научил ругаться? У них же через каждое слово – брань. Неужели их родителям на это наплевать? Как долго вы у нас пробудете, мистер Диган?

– Еще не знаю. В город я приехал по делам. – Он попытался изобразить сальную улыбку, а когда почувствовал, что получается, улыбнулся еще шире. Портье узнал ее мгновенно (вероятно, потому, что не раз видел нечто подобное на отражении собственной физиономии в отполированной миллионами локтей мраморной стойке) и улыбнулся в ответ:

– С вас пятнадцать долларов и пятьдесят центов, мистер Диган. – Он пододвинул к Ричардсу ключ, висящий на одном кольце с деревянным бочонком. – Ваш номер пятьсот двадцать.

– Благодарю. – Ричардс расплатился наличными. Удостоверение личности вновь не понадобилось. Господи, благослови ИМКА.

¹⁰ YMCA (Young Men's Christian Association) – Ассоциация молодых христиан – неполитическая международная организация. Основана в Бостоне в 1851 г. Занимается организацией досуга и обучением молодежи, содержит общежития и гостиницы.

Он прошел к лифтам, через открытую дверь по левую руку заглянул в Библиотеку христианской литературы, тускло освещенную засиженными мухами желтыми лампами-шарами. Старик в плаще и галошах, слюнявя палец, переворачивал страницы какого-то фолианта. Даже от лифта Ричардс слышал клокочущие в его легких хрипы. Пожалел старика.

Лифт остановился, двери, словно с неохотой, открылись. Когда он входил в кабину, послышался громкий голос портье: «Это просто стыд и позор. Я бы сажал их в клетки».

Ричардс обернулся, думая, что портье обращается к нему, но тот на него даже и не смотрел.

В вестибюле воцарились тишина и покой.

...Минус 072, отсчет идет...

На пятом этаже воняло мочой. Узкий коридор устилал когда-то красный, а теперь давно выцветший ковер, местами протертый до дыр. Грязно-серые двери, другой краски, видать, не нашлось, навевали тоску. На некоторых виднелись свежие отметины от ударов, пинков, попыток взлома. Через каждые двадцать шагов аккуратная табличка сообщала, что РАСПОРЯЖЕНИЕМ НАЧАЛЬНИКА ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ КУРИТЬ В КОРИДОРЕ ЗАПРЕЩЕНО. Посередине коридора находилась общая ванная-туалет, и рядом с ней запах мочи стал особенно сильным. Запах этот Ричардс безотчетно ассоциировал с отчаянием. Представил себе, как люди мечутся за этими серыми дверями, словно животные в клетках – животные очень уж страшные, очень уж напуганные, таких никому не показывают. Кто-то пьяным голосом вновь и вновь выводил «Аве Мария». Странные булькающие звуки доносились из-за другой двери. Еще за одной гремела музыка («Где взять бакс для телефона, как я одинок...»). Шаркающие шаги. Скрип кроватных пружин. Рыдания. Смех. Истерические выкрики. А за всем этим – тишина. И тишина. И тишина. Мужчина с пугающе впалой грудью прошел мимо Ричардса, даже не взглянув на него. В одной руке он нес кусок мыла и полотенце, другой поддерживал пижамные штаны, из-под которых выглядывали вытершиеся шлепанцы.

Ричардс отпер дверь, вошел в свою комнату. С внутренней стороны обнаружил засов и задвинул его. Увидел кровать с армейским одеялом и застиранными простынями, комод без одного ящика. Стену украшало изображение Иисуса. Стальная стойка с двумя крючками для одежды притулилась в углу, справа от двери. За единственным окном стояла темень. Часы показывали четверть одиннадцатого.

Ричардс повесил пиджак, скинул ботинки, лег на кровать. Осознал, как он несчастен, ничтожен, уязвим. Окружающий его мир ревел, завывал, грохотал, словно гигантская, безразличная ко всему колымага, несущаяся вниз по склону к бездонной пропасти. Губы Ричардса задрожали, он немного поплакал.

Этого записывать на пленку он не стал. Полежал, вглядываясь в потолок, по которому бежали миллионы трещин. Они шли по его следу уже больше восьми часов. Он заработал восемьсот долларов. Господи, даже не оправдал свои расходы.

И он не увидел себя по фри-ви. А так хотелось посмотреть, идет ли ему наволочка.

Где они? Все еще в Хардинге? В Нью-Йорке? Едут в Бостон? Нет, не могут они сюда ехать, никак не могут. Автобус ни разу не останавливали для проверки документов. Он покинул величайший город мира анонимно, поселился в этой дешевой гостинице под вымышленной фамилией. Не могут они выйти на него. Это невозможно.

В бостонском отделении ИМКА он спокойно просидит пару дней. А потом двинется на север, в Нью-Хэмпшир или Вермонт, или на юг, к Хартфорду или Филадельфии, а то и в Атланту. На востоке-то океан, за ним – Британия и Европа. Хотелось бы, конечно, попасть туда, но невозможно. На самолет без удостоверения личности не пустят. А разоблачение означало смерть на месте. И Запад отпадал. На Западе самые азартные Охотники.

Не выносишь жары – не суйся на кухню. Кто это сказал? Моули наверняка знает. Он хохотнул, настроение улучшилось.

В соседней комнате включили радио.

Хорошо бы раздобыть пистолет этим вечером, но он слишком устал. Поездка в автобусе утомила его. Убегать – труд не из легких. И он нутром чуял, что скоро ему придется спать на октябрьском холоде, под кустом или в канаве.

Пистолет подождет до завтра.

Ричардс выключил свет и заснул.

...Минус 071, отсчет идет...

Пришла пора записывать очередную кассету. Ричардс повернулся к камере задом, напевая мелодию музыкальной заставки «Бегущего человека». Наволочку, помеченную буквами ИМКА, он вывернул наизнанку, прежде чем вновь надеть на голову: чтобы не читалось название ее владельца.

Видеокамера пробудила в Ричардсе чувство юмора. Раньше-то он полагал, что оно у него отсутствует напрочь. Он-то всегда считал себя довольно-таки мрачным типом. А вот перспектива скорой смерти открыла в нем комическое начало.

Когда кассета выскочила из прорези, он решил, что вторую снимет после полудня. Четыре стены навевали скуку, хотелось сменить декорации.

Он не торопясь оделся, подошел к окну, выглянул.

Автомобили сплошным потоком катили по Хейнингтон-авеню. На обе стороны мостовой тротуары загрохотала толпа. Пешеходы шли медленно. Некоторые на ходу просматривали ярко-желтые страницы факсов «Помогите – разыскивается». Большинство просто шли. Копы стояли на каждом углу. Ричардс без труда читал их мысли: *Шевелитесь. Неужели вам некуда пойти? Прибавь шагу, червяк.*

Вот ты и шел к следующему перекрестку, который ничем не отличался от предыдущего, а от тебя требовали идти дальше. Крыша от этого, конечно, не ехала, но ногам доставалось.

Ричардсу хотелось принять душ. Но не велик ли риск, думал он. Решил, что не очень. Вышел в коридор с полотенцем через плечо, никого не встретил, направился в ванную-туалет.

В нос ударила ядерная смесь запахов мочи, дерьма, перды, какого-то дезинфицирующего средства. Дверцы кабинок, естественно, давно выломали. Над писсуарами кто-то аршинными буквами начертал «СЕТЬ – НА ХЕР». Чувствовалось, что человек очень злился, создавая сей шедевр. В одном из писсуаров темнела куча дерьма. Кто-то сильно напился, решил Ричардс. Над дерьмом лениво вились несколько осенних мух. Его не затошнило. Такое случалось повсеместно. Он лишь порадовался, что не отправился мыться босиком.

И в душевой никто не составил ему компании. Пол – потрескавшаяся плитка, настенный кафель понизу отбит. Он полностью отвернул кран горячей воды, пять минут терпеливо ждал, пока сочащаяся из ржавой головки струйка хоть немного нагреется, потом быстро помылся, воспользовавшись обмылком, который нашел на полу. То ли в ИМКА мыла не выдавали, то ли горничная прикарманила полагавшийся ему кусок. Возвращаясь в номер, он столкнулся в коридоре с мужчиной с заячьей губой.

Ричардс надел рубашку, заправил в брюки, сел на кровать, закурил. Хотелось есть, но он решил подождать наступления сумерек.

От скуки вновь подошел к окну. Начал считать автомобили разных фирм: «форды», «шеви», «уинты», «фольксвагены», «плимуты», «студебекеры», «рамблеры». Кто первый перевалит за сотню. Занудная игра, но все лучше, чем никакая.

Выше Хейнингтон-авеню упиралась в Северо-Восточный университет, напротив здания ИМКА находился большой автоматизированный книжный магазин. Считая автомобили, Ричардс наблюдал за входящими и выходящими из него студентами. Очень уж они отличались от едва волочащих ноги пешеходов. Стрижки короткие, едва ли не все в куртках из шотландки: видать, такая у них в кампусе мода. На их лицах, в походке, осанке читались снисходительность и чувство превосходства. В ячейках пятиминутной стоянки у магазина автомобили постоянно сменяли друг друга: спортивные, броские, зачастую экзотические. В большинстве своем с фирменными наклейками учебных заведений на задних стеклах: Северо-Восточный университет, Массачусетский технологический институт, Бостонский колледж, Гарвард. Практически все

пешеходы не отличали эти чудеса техники от фонарного столба, лишь некоторые смотрели на них со жгучей завистью.

«Уинт» вырuling из ячейки перед дверью магазина, и его место занял «форд», замерев в дюйме над мостовой. Водитель, коротко стриженный парень с длинной, в фут, сигарой, перевел его в режим холостого хода. Автомобиль чуть качнуло, когда из кабины вылез пассажир, крепкий парень в клетчатой, коричнево-белой куртке. И тут же исчез в магазине.

Ричардс вздохнул. Считать машины надоело. «Форды» лидировали со счетом 78:40. Исход предрешен, как на ближайших выборах.

В дверь забарабанили, Ричардс обернулся.

– Френки! Ты здесь, Френки?

Ричардс молчал. Окаменел от страха, превратившись в статую.

– Дерьма, что ли, объелся, Френки? – За дверью пьяненько засмеялись, шаги удалились.

Теперь стучали в следующую дверь. – Ты здесь, Френки?

Сердце Ричардса медленно опустилось из горла на положенное ему место.

«Форд» отъехал, ячейку тут же занял другой «форд». Семьдесят девятый по счету. Мразь.

Наступил полдень. Час дня. Ричардс отмерял время по перезвону колоколов многочисленных церквей. Ирония судьбы – у человека каждая минута на счету, а часов нет.

Он изменил правила игры. Каждый «форд» шел за два балла, «студебекер» – за три, «уинт» – за четыре. Выигрывала марка, первая набравшая пятьсот баллов.

Лишь пятнадцать минут спустя он заметил парня в коричнево-белой куртке. Тот прислонился к фонарному столбу за магазином и внимательно изучал концертную афишу. Полиция его не прогоняла. Более того, даже не замечала.

Ты пугаешься собственной тени, слизняк. Скоро они начнут мерещиться тебе по углам. Он сосчитал «уинт» с помятым крылом. Желтый «форд». Старый «студебекер» со свистящим диффузором. «Фольксваген» – не пойдет, они в игре не участвуют. Еще «уинт». «Студебекер».

Мужчина с длинной, в фут, сигарой стоял на автобусной остановке на углу. Единственный. Не без причины. Ричардс видел, как подъезжали и отъезжали автобусы, и знал, что следующий ждать не меньше сорока пяти минут.

По спине Ричардса пробежал холодок.

Старик в драном черном пальто, тащившийся вдоль улицы, остановился, как бы невзначай привалившись к стене.

Два парня в куртках из шотландки выскочили из такси, о чем-то оживленно беседуя, их тут же заинтересовало меню в витрине ресторана «Стокгольм».

Коп подошел к мужчине на автобусной остановке, перекинулся с ним парой слов, зашагал дальше.

Ричардс с ужасом отметил, что многие пешеходы теперь переставляют ноги куда как медленнее. Их одежда, походка показались Ричардсу очень уж знакомыми, словно он их тут уже видел, но только сейчас начал это понимать. Точно так же не сразу, с трудом, узнаются во сне голоса уже умерших людей.

И копов прибавилось.

Окружают, подумал он. Мысль эта ввергла Ричардса в панику.

Нет, поправил его рассудок. *Уже окружили.*

...Минус 070, отсчет идет...

Ричардс быстрым шагом прошел в ванную, сохраняя спокойствие, игнорируя ужас, как человек, идущий по краю пропасти, игнорирует разверзнувшуюся под ним бездну. Он сможет выбраться отсюда, лишь сохранив самообладание. Если запаникует – здесь и умрет.

Кто-то мылся в душе, фальцетом напевая модную песенку. У писсуаров и раковин никого.

Идея возникла у него, когда он стоял у окна, глядя, как они слетаются к зданию ИМКА. Если б не возникла, он бы не сдвинулся с места – Аладдин, наблюдающий, как вырвавшийся из лампы дым превращается во всемогущего джинна. Этим трюком они пользовались в детстве, чтобы добывать газеты из подвалов домов Развития. Моули покупал их по два цента за фунт.

Резким движением руки он выломал из стены одну из проволочных подставок для зубной щетки. Она чуть заржавела, но для его целей годилась. Ричардс зашагал к лифту, на ходу выпрямляя проволоку. Нажал кнопку вызова, и кабина медленно спустилась с восьмого этажа. Пустая. Слава Богу, пустая.

Он вошел в лифт, выглянул, убедился, что в коридоре никого, повернулся к панели управления. Нашел прорезь рядом с кнопкой с буквой «П». У зрителя имелась специальная карточка. Он вставлял ее в прорезь, электронный сканер проверял карточку, и, если проверка подозрений не вызывала, при нажатии кнопки лифт спускался в подвал.

А если не работает?

Не думай об этом. Сейчас не время об этом думать.

Скривившись в предчувствии возможного удара током, Ричардс сунул проволоку в прорезь и одновременно нажал на кнопку «П».

За панелью управления что-то заскворчало. Его ударил легкий разряд. В первый момент ничего не изменилось. Но потом двери захлопнулись, и кабина с неохотой заскользила вниз. Из прорези вырвался клуб синего дыма.

Ричардс не отрывал глаз от светового индикатора. Когда загорелась цифра «1», мотор наверху заскрежетал, казалось, кабина остановилась (может, останавливалась она только в воображении Ричардса), но потом продолжила спуск. Двадцать секунд спустя двери раздвинулись, и Ричардс вышел в огромный, тускло освещенный подвал. Где-то капала вода, шебаршились потревоженные крысы. Но в целом подвал принадлежал только ему. Пока.

...Минус 069, отсчет идет...

Огромные, тронутые ржавчиной, облепленные паутиной трубы отопительной системы змеились под потолком. Котел неожиданно загудел, и Ричардс едва не вскрикнул от ужаса. Выброс адреналина на мгновение обездвигил его.

Увидел Ричардс и газеты. Тысячи газет, аккуратно упакованных в пачки. В них теперь гнездились крысы. Целые семейства не сводили с пришельца недоверчивых красных глаз.

Он зашагал по подвалу, остановился, увидев распределительный щит с предохранителями, привинченный к стойке болтами. За стойкой стоял ящик с инструментами. Ричардс взял ломик, двинулся дальше, не отрывая глаз от пола.

У дальней стены, слева от себя, он обнаружил сток ливневой канализации. Приблизился к нему, задаваясь вопросом, а известно ли им, что он здесь.

Сток закрывала стальная решетка диаметром три фута. Ричардс нашел выемку между коробом и решеткой, вставил в нее ломик (для того выемка и предназначалась), надавил на свободный конец ногой, руками схватился за поднышающую решетку, отбросил ее. Она с грохотом ударилась о бетонный пол, распугав крыс.

Труба уходила вниз под углом сорок пять градусов, и Ричардс прикинул, что диаметр воронки никак не больше двух с половиной футов. А за ней чернильная тьма. Клаустрофобия сковала грудь. Слишком узка для маневра, места едва хватит, чтобы дышать. Но деваться-то некуда.

Он подтащил решетку, надвинул на воронку, чтобы при необходимости ухватиться за нее снизу. Затем подошел к распределительному щиту, ломиком сшиб замок, открыл дверцу. Собрался уже вытащить предохранители, когда в голове у него сверкнула другая мысль.

Он прогулялся к газетам, пачки которых лежали грудой у восточной стены подвала. Достал из кармана книжечку с бумажными спичками, от которых прикуривал. Спичек осталось только три. Оторвал газетный лист, скрутил жгутом. Прижал к боку локтем, чиркнул спичкой. Первую затушил сквозняк. Вторая выпала из дрожащих пальцев на влажный пол.

Третья подошла бумажный жгут, вспыхнувший желтым пламенем. Крыса, должно быть, почувствовавшая, что сейчас произойдет, пробежала по его ноге и скрылась в темноте.

Шестое чувство подсказывало ему, что время поджигает, но он ждал, пока бумага как следует разгорится: спичек-то у него больше не было. Осторожно сунул горящий жгут в зазор между пачками, убедился, что огонь распространяется по бумажной стене, доходившей ему до груди.

Тут же высился и громадный резервуар с соляровкой, из которого топливо поступало в котел системы обогрева всего здания. Может, он взорвется, подумал Ричардс. Его бы это не огорчило.

Он бегом вернулся к распределительному щиту и начал один за другим вырывать длинные цилиндры предохранителей. Вырвал почти все, когда свет в подвале погас. До сливной воронки он добрался быстро: путь освещали отблески пламени. Бумажная стена разгоралась все сильнее.

Он сел на край воронки, свесив ноги, затем медленно сполз вниз. Когда голова оказалась ниже уровня пола, уперся коленями в стенки, поднял руки. В ушах стоял треск горячей бумаги. Он нащупал край решетки, потянул. Решетка подалась. Еще рывок, последний, и она с грохотом встала на место.

Ричардс свел колени и заскользил вниз. Трубу покрывала слизь, так что он, как по желобу, проскочил двенадцать футов, до того места, где труба загибалась под прямым углом. Ноги уперлись в стенку, он застыл, словно пьяница, привалившийся к фонарному столбу.

Попасть в горизонтальный рукав он не мог. Слишком круто загибалась труба.

Клаустрофобия нарастала, не давая дышать.

Ловушка, верещало где-то в мозгу. Ловушка, ловушка, ловушка.

Крик рванулся из груди, но Ричардс подавил его.

Успокойся. Действительно, положение не из приятных, можно сказать, критическое, но надо сохранять спокойствие. Сейчас самое главное – спокойствие. Потому что назад пути нет и надо искать путь вперед. Иначе этот чертов резервуар с соляжкой взорвется и поджарит тебя, как в духовке...

Он медленно начал поворачиваться вокруг оси, пока не улегся на живот. Слизь заменяла смазку, облегчая движение. В трубе стало совсем светло, да и температура повысилась. Крышка отбрасывала решетчатую тень на его закаменевшее лицо.

Теперь, лежа на животе, он мог согнуть колени. Ступни и голени соскользнули в горизонтальный рукав. Он словно решил помолиться. Но на том движение застопорилось. Его бедра уперлись в керамический защитный козырек над изгибом трубы.

Вроде бы ему послышались какие-то крики, перекрывающие треск пламени, но, возможно, у него просто разыгралось воображение. Опять же времени отвлекаться не было.

Он заработал бедрами и голеньями, ввинчиваясь в зазор, и мало-помалу колени пришли в движение, уходя все ниже. Руки он вытянул вверх, чтобы занимать как можно меньше места в поперечнике, лицо ткнулось в слизь. Дело шло к тому, что поворот он проскочит. Ричардс как мог прогнул спину, отталкиваясь руками и подбородком, только эти части тела он мог задействовать в качестве рычага.

На мгновение закралась мысль, что ему не пролезть, что он застрянет в изгибе трубы и останется здесь навсегда, но в этот момент бедра и ягодицы вышибло в горизонтальный рукав, совсем как пробку из бутылки. Он ободрал поясницу, колени, рубашка задралась до лопаток, но в наклонной трубе остались только плечи, руки и голова. Осторожно поворачиваясь, медленно, очень медленно, он миновал поворот и застыл, тяжело дыша, в потеках слизи и катышках крысиного помета на лице.

Труба стала уже. При каждом вдохе плечи касались стенок.

Слава Богу, что я такой худой.

Ногами вперед он пополз в черную неизвестность.

...Минус 068, отсчет идет...

Медленно, как крот, он продвинулся на пятьдесят ярдов. И тут взорвался бак с соляжкой в подвале ИМКА. От грохота у него едва не лопнули барабанные перепонки. Трубу осветила бело-желтая вспышка, словно зажгли фосфорную шашку. Потом растворилась в темноте, оставив розовый отблеск. Несколько мгновений спустя лицо обожгло раскаленным воздухом, он поморщился.

Видеокамера в кармане пиджака билась о стенки при каждом движении: теперь он пытался пятиться быстрее. Труба нагревалась от взрыва, где-то над его головой бушевал пожар. Ричардсу совсем не хотелось уподобиться картофелине, запеченной в голландской печи.

Пот катился по лицу, смешиваясь с налипшими на кожу слизью и дерьмом, в отблесках пламени он напоминал индейца в боевом раскрасе. Стенки трубы уже сильно разогрелись. Прикосновение вызывало боль.

Теперь Ричардс пятился на коленях и локтях, скребя задом по трубе. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Горячий воздух пропах соляжкой. Боль грозила разнести голову на куски, острыми кинжалами изнутри впивалась в глаза.

Я тут изжарюсь. Я тут изжарюсь.

Затем ноги внезапно повисли в воздухе. Ричардс попытался извернуться, посмотреть, что у него за спиной, но видел только черноту. Не оставалось ничего другого, как двигаться дальше. Теперь он отталкивался только локтями, ноги уже висели вдоль железной стенки. Он соскользнул вниз, и ботинки погрузились в холодную воду.

Новая труба тянулась под прямым углом к той, из которой выполз Ричардс. Большая труба, Ричардс мог в ней стоять, чуть пригнувшись. Густой поток медленно обтекал его щиколотки. Он заглянул в свою трубу, освещенную отблесками пламени. Знать, пожар силен, решил он, раз виден на таком расстоянии.

Ричардс с неохотой заставил себя признать, что Охотники скорее сочтут его живым, чем погибшим в пламени, но едва ли сумеют найти путь, которым он ушел, до того как пожарные справятся с огнем. Эта мысль успокаивала. Но, с другой стороны, он и раньше успокаивал себя тем, что они не выйдут на его след в Бостоне.

Может, и не вышли. В конце концов, на чем основаны твои подозрения, что ты такого видел?

Да нет. Он видел именно их. Вне всяких сомнений. Охотники. От них шел запах зла. Он незримо возносился к его комнате на пятом этаже.

Крыса пробежала мимо, остановилась, коротко глянула на него сверкающими глазками. Ричардс пошлепал за ней, по течению.

...Минус 067, отсчет идет...

Ричардс стоял у лестницы, задрал голову, ошарашенно таращась на свет. Постоянного потока машин не было, уже хорошо, но свет...

Свет удивил его потому, что по сливным трубам он, по его расчетам, шагал не один час. В темноте, без единого ориентира, под журчание воды, редкий всплеск пробегающей мимо крысы да бульканье, доносящееся из других труб (а что, если кто-то спустит дерьмо прямо мне на голову? – такая мысль возникала не раз), Ричардс совершенно утратил чувство времени.

И теперь, глядя в дырчатый люк в пятнадцати футах над головой, он видел, что свет еще не померк, то есть на улице по-прежнему ясный день. Каждая дырка тянулась лучом-карандашом к его груди и плечам.

С тех пор как он остановился у лестницы, сверху не проехал ни один пневмокар. Несколько раз прогремел тяжелый грузовик с ДВС да проскочили мотоциклисты. Он догадался, что шестое чувство и удача вывели его в городские трущобы – к своим.

Однако он не решился подняться наверх до наступления темноты. Чтобы не терять времени попусту, он достал видеокамеру, вставил кассету и начал снимать свою грудь. Он знал, что пленка высокочувствительная, то есть освещенности хватало, и не хотел выдавать своего местонахождения. На этот раз он ничего не говорил и не дурачился. Слишком устал.

Когда кассета выскочила из прорези, Ричардс положил ее в карман с уже отснятой. Он не мог отделаться от мысли о том, что кассеты выдают его с головой. И он *должен* с этим покончить. Другого не дано.

Ричардс устало опустился на третью перекладину лестницы, дожидаясь темноты. Он бежал почти тридцать часов.

...Минус 066, отсчет идет...

Мальчик лет семи, чернокожий, с сигаретой во рту, выглянул из проулка.

Внезапно посреди мостовой началось шевеление. Тени двигались, застывали, вновь приходили в движение. Поднялся люк. Что-то блеснуло... чьи-то глаза? Люк со звоном упал на асфальт.

Кто-то (или *что-то*, со страхом подумал мальчик) вылезал из колодца. Может, дьявол явился за Касси? Мать говорила, что Касси отправится на небеса, к Дикки и ангелам, но мальчик придерживался другого мнения. Все после смерти попадают в ад, где дьявол вонзает вилы в зад каждому. Он видел изображение дьявола в книгах, которые Бредли стибрил в Бостонской публичной библиотеке. Путь на небеса открыт лишь любителям пуша. Люди доставались дьяволу.

Наверное, дьявол, думал он, наблюдая, как Ричардс выполз из колодца и на мгновение припал к потрескавшемуся асфальту, переводя дыхание. Без рогов и хвоста, не красный, как в книжке, но морда страшная, злобная.

Вот он положил люк на место, а теперь... святой Боже, он же помчался к проулку!

Мальчик пискнул, попытался удрать, но упал, запутавшись в собственных ногах. Вско-
чить не успел: дьявол уже схватил его.

– Не утаскивай меня с собой, – заверещал он. – Не коли меня в зад вилами, сукин ты...

– Ш-ш-ш! Заткнись! Заткнись! – Дьявол тряхнул его так, что у него лязгнули зубы. Он заткнулся. Дьявол испуганно оглядывался, лицо перекосило от ужаса. Такие же лица мальчик видел на экране фри-ви у участников игры «Заплыв с крокодилами». Он бы рассмеялся, если б его самого не трясло от страха.

– Ты не дьявол.

– Стану им, если завопишь.

– Чего мне вопить? – пренебрежительно бросил мальчик. – Или ты думаешь, что мне охота остаться без яиц? Они мне пригодятся, я еще ни разу не кончал.

– Ты знаешь укромное место, куда мы можем пойти?

– Не убивай меня, парень. У меня ничего нет. – У мальчика округлились глаза, белки сверкнули в темноте.

– Я не собираюсь тебя убивать.

Держа Ричардса за руку, мальчик повел его по извилистому, заваленному мусором проулку, потом по другому. Проулок вывел их к двум высоким домам, но, не доходя до них, мальчик свернул к лачуге, выстроенной из наворованных досок и кирпичей. Крыша начиналась в четырех футах от земли, так что Ричардс, входя, ударился головой.

Мальчик занавесил дверной проем черной тряпкой, покопался на полу. Мгновение спустя затеплился свет: мальчик подсоединил маленькую лампочку к старому автомобильному аккумулятору.

– Я сам спер аккумулятор, – гордо заявил мальчик. – Бредли сказал мне, как его починить. Он читает книги. У меня есть мешочек с пятицентовиками. Я дам его тебе, если ты меня не убьешь. Лучше не убивай. Бредли в «Головорезах». Убьешь меня – он заставит тебя насрать в башмак и сожрать собственное дерьмо.

– Никого я не убиваю, – сердито бросил Ричардс. – Во всяком случае, мальшей.

– Я не мальш! Я сам украл этот аккумулятор!

Обида, проступившая на лице мальчика, заставила Ричардса улыбнуться.

– Ладно, как тебя звать, мальш?

– Я не мальш. – И добавил, все еще дуясь: – Стейси.

– Понятно. Стейси. Хорошо. Я в бегах. Ты в это веришь?

– Да, в бегах. Ты не стал бы вылезать из канализационного колодца для того, чтобы купить порнооткрытки. – Он оценивающе оглядел Ричардса. – Ты – хонки? Из-за грязи сразу не скажешь.

– Стейси, я... – Он провел рукой по волосам. А продолжил, похоже, уже сам с собой: – Я должен кому-то довериться, а попался мне ребенок. *Ребенок*. Господи, тебе еще нет шести, не так ли?

– В марте будет восемь. У моей сестры Касси рак, – добавил мальчик. – Она все время кричит. Вот почему здесь мне нравится. Сам украл аккумулятор. Хотите «косяк», мистер?

– Нет, и тебе не советую. А ты хочешь получить два бакса, Стейси?

– Господи, конечно! – И тут же он недоверчиво глянул на Ричардса. – Ты не стал бы вылезать из колодца с двумя гребаными баксами. Врешь.

Ричардс достал новобакс, показал мальчику. Тот взирал на него с восторгом, граничащим с ужасом.

– Получишь еще один, если приведешь своего брата, – пообещал Ричардс и тут же добавил, правильно прочитав выражение лица мальчика: – Я дам его тебе так, что он не заметит. Приведи его одного.

– Нет смысла пытаться убить Бредли. Он заставит тебя насрать в башмак...

– И сожрать дерьмо. Я знаю. А теперь беги и приведи его. Подожди, пока он останется один.

– Три бакса.

– Нет.

– Послушай, парень, за три бакса я смогу купить Касси лекарство. И тогда она не будет так кричать.

У Ричардса внезапно перекошилось лицо, будто кто-то невидимый ударил его.

– Хорошо. Три.

– Новобаксы, – уточнил мальчик.

– Да, конечно, да. Приведи его. Если приведешь копов, не получишь ничего.

Мальчик остановился на пороге халупы.

– Ты что, совсем дурак? Я ненавижу этих сволочей больше всех. Даже дьявола.

Он ушел, семилетний мальчуган, держащий жизнь Ричардса в своих грязных, заскорузлых ручонках. Ричардс слишком устал, чтобы бояться. Он выключил свет, прислонился к стене и задремал.

...Минус 065, отсчет идет...

Дремота только начала переходить в глубокий сон, когда обостренные до предела чувства разбудили его. Он не понимал, где находится. Решил, что так и не вырвался из кошмара. Подумал, что огромный полицейский пес надвинулся на него – гигантское живое оружие семи футов ростом. С губ едва не сорвался крик, но злобное шипение Стейси поставило все на свои места.

– Если ты сломал мой гребаный свет, я...

На мальчика шикнули. Тряпка закрыла дверной проем, Ричардс включил свет. Рядом со Стейси стоял чернокожий. Лет восемнадцати, в мотоциклетной куртке, в его взгляде читалась ненависть, смешанная с любопытством.

Раздался щелчок, блеснуло выкидное лезвие ножа, который Бредли держал в руке.

– Если у тебя оружие, брось его.

– Оружия у меня нет.

– Я не верю этому вздо... – Тут у него округлились глаза. – Эй, да ты – тот парень с фри-ви. Ты поджег здание ИМКА на Хейнингтон-стрит. – Черное лицо располовинила белозубая улыбка. – Они сказали, ты поджарил пятерых копов. Значит, никак не меньше пятнадцати.

– Он вылез из канализационного колодца, – с важным видом заявил Стейси. – Я сразу понял, что он не дьявол. Я знал, что он паршивый хонки. Ты собираешься пришить его, Бредли?

– Заткнись и дай мужчинам поговорить. – Бредли подошел к Ричардсу, опустился на корточки, затем сел на ящик из-под апельсинов. Посмотрел на нож, который держал в руке, удивился, что все еще держит его, закрыл, убрал в карман.

– Тебя ищет весь город, – добавил он.

– Это точно.

– И куда ты теперь?

– Не знаю. Но мне надо выбраться из Бостона.

Бредли задумался.

– Сейчас ты пойдешь со мной и Стейси. К нам домой. Надо поговорить, а здесь нельзя. Слишком опасное место.

– Хорошо, – обреченно вымолвил Ричардс. – Мне без разницы.

– Пойдем дворами. Свины сегодня патрулируют улицы. Теперь я знаю почему.

Когда Бредли двинулся к двери, Стейси лягнул Ричардса. Тот ответил недоумевающим взглядом, потом все вспомнил. Сунул мальчишке три новобакса, которые тут же исчезли в кармане Стейси.

...Минус 064, отсчет идет...

Никогда Ричардс не видел таких древних старух. Под мышкой ее ситцевого платья зияла огромная прореха, и Ричардс видел, как при каждом движении в ней покачивалась старая, морщинистая грудь. Старуха готовила ужин из продуктов, купленных на новобаксы Ричардса. Желтые от никотина пальцы что-то резали, мяли, раскладывали. Ноги в розовых шлепанцах опухли от долгих лет стояния. Волосы словно завивали утюгом, причем рука сильно дрожала. Их собрала в пирамиду съехавшая набок сеточка. Лицо по прошествии стольких лет посерело (коричневое и черное выцвело), превратилось в сплошное море морщин, выпуклостей, впадин. Из беззубого рта свисала сигарета, клубы дыма поднимались над ее головой чередой синих шариков. Она сновала взад-вперед в крохотном треугольнике между разделочным столиком, плитой и столом. Между спущенными до колен хлопчатобумажными чулками и подолом платья бугрились варикозные вены.

Квартира пропахла духом давно почившей капусты.

В дальней спальне кричала, замолкала, вновь вскрикивала Касси. Бредли виноватым голосом сказал Ричардсу, что с этим придется мириться. Рак обоих легких, и метастазы уже начали распространяться в горло и живот. Девочке только исполнилось пять лет.

Стейси куда-то ушел.

Пока Бредли и Ричардс разговаривали, комнату начал заполнять сводящий с ума аромат тушащегося мяса, овощей, томатного соуса. Запах капусты отступал в дальние углы, и только тут Ричардс понял, что голоден как волк.

– Я могу сдать тебя, парень. Могу убить и забрать все твои деньги. А сдать тело. И получить еще тысячу баксов.

– Не думаю, что ты так поступишь, – ответил Ричардс. – Уверен, что не сделаешь этого.

– А вот почему ты это делаешь? – со злостью спросил Бредли. – Почему подыгрываешь им? От жадности?

– Мою маленькую дочь зовут Кэти. Ей только восемнадцать месяцев. У нее пневмония. Она тоже все время плачет.

Бредли молчал.

– Она может поправиться. Не то... что Касси. Пневмония – та же простуда. Но нужны лекарства и врач. Все стоит денег. Другого способа заработать их я не нашел.

– Все равно ты им подыгрываешь, – пробурчал Бредли, но уже без злости. – Благодаря тебе в половине седьмого они хватают за глотку полмира. В этом мире твоей девочке повезет не больше Касси.

– Я в это не верю.

– Тогда ты глупее меня. Однажды я отвез в больницу одного богатенького. Ему проткнули легкое. Так полиция преследовала меня три дня. Но ты еще глупее меня. – Он достал сигарету, закурил. – Может, ты и продержишься месяц. Миллиард долларов. Тебе придется заказывать целый гребаный поезд, чтобы перевезти их.

– Ради Господа, не ругайся, – подала голос старуха с другого конца комнаты, где она резала морковь.

Бредли и ухом не повел.

– Тогда тебя, твою жену и маленькую девочку ждет легкая жизнь. Два дня уже позади.

– Месяца не получится, – покачал головой Ричардс. – Игра нечестная. Ты видел два цилиндра, которые я дал Стейси перед тем, как он и твоя мать пошли за продуктами? Я должен отсылать их по почте каждый день до полуночи. – Он рассказал Бредли о видеосъемке, поделился своими подозрениями относительно того, что именно почта помогла Охотникам выследить его в Бостоне.

– Тут их можно провести.

– Как?

– Не важно. Потом. Как ты собираешься выбраться из Бостона? У тебя земля горит под ногами. Ты здорово их достал, взорвав ИМКА. Отправил на тот свет не одну свинью. Вечером тебя показывали по фри-ви. С наволочкой на голове. Ловко. Ма! – раздраженно крикнул он. – Когда ты закончишь со стряпней? Мы же умираем с голоду!

– Пусть дойдет. – Она закрыла крышкой булькающее ароматное варево и, шаркая ногами, ушла в спальню, посидеть с девочкой.

– Даже не знаю, – пожал плечами Ричардс. – Наверное, постараюсь добыть машину. Поддельные документы у меня есть, но воспользоваться ими я не рискну. Что-нибудь придумаю... надену черные очки... и выберусь из города. Отправлюсь в Вермонт, там попытаюсь перейти канадскую границу.

Бредли хмыкнул, поднялся, чтобы принести тарелки.

– Они уже перекрыли все дороги из Фасолевого Города¹¹. Мужчина в черных очках только привлечет к себе повышенное внимание. Они сделают из тебя отбивную, прежде чем ты проедешь шесть миль.

– Тогда я не знаю, что мне делать. Если останусь здесь, они расправятся и с тобой как с соучастником.

Бредли расставил тарелки.

– Допустим, машину мы раздобудем. У тебя есть капуста. У меня – фамилия, не вызывающая подозрений. Один тип на Молочной улице продаст мне «уинт» за три сотни. Я попрошу одного из моих друзей отогнать машину в Манчестер. В Манчестере все тихо, поскольку они уверены, что обложили тебя в Бостоне. Ты будешь есть, ма?

– Да, во имя Господа. – Она приковыляла из спальни. – Твоя сестра заснула.

– Хорошо. – Бредли наполнил три тарелки, огляделся. – Где Стейси?

– Сказал, что пойдет в аптеку. – Ма тут же принялась за еду. – Сказал, что хочет купить лекарство.

– Если его загребут, я ему рога поотшибаю. – Бредли тяжело опустился на стул.

– Воровать ему не надо, – вставил Ричардс. – Деньги у него есть.

– А может, мы не нуждаемся в твоей благотворительности?

Ричардс рассмеялся, посолил мясо.

– Если б не он, меня бы, наверное, уже зарезали. Полагаю, он свои деньги заработал.

Бредли навис над тарелкой. Ели молча. Ричардс и Бредли дважды брали добавку, старуха – трижды. Когда они закурили, в замке заскрежетал ключ, и все замерли, пока не увидели входящего Стейси, испуганного, виноватого и возбужденного. В руке он держал бумажный пакет.

– Первокласное снадобье, – заявил он, протягивая лекарство матери. – Старик Карри спросил, есть ли у меня два доллара и семьдесят пять центов за первокласное снадобье, и я предложил ему насрать в башмак и сожрать свое дерьмо.

– Не ругайся, а не то я тебя выдеру, – бросила мать. – Обед на столе.

У мальчишки округлились глаза.

– Господи, да это же мясо!

– Нет, мы насрали кастрюлю, чтоб было погуще, – ответил Бредли.

Мальчишка вытаращился на старшего брата, понял, что тот шутит, хихикнул и уселся за стол.

– Аптекарь не побежит к копам? – спросил Ричардс.

¹¹ Так называют Бостон за вкусовые пристрастия жителей.

– Карри? Нет. Не побежит, пока может на нас заработать. Он знает, что Касси без наркотиков не обойтись.

– А что насчет Манчестера?

– Значит, так. Вермонт не пойдет. Наших там мало. Копы крутые. Я попрошу того же Рича Голеона отогнать «уинт» в Манчестер и поставить в гараж-автомат. Потом отвезу туда тебя на другой машине. – Он вдавил окуроч в пепельницу. – В багажнике. На местных дорогах они выставляют в кордоны одних пьянчужек. Мы поедем по четыреста девяносто пятой.

– Ты сильно рискуешь.

– Я повезу тебя не за так. Когда Касси умрет, мы устроим ей достойные похороны.

– Восславим Господа, – вставила старуха.

– И все-таки опасность велика.

– Если какая-нибудь свинья что-то брякнет Бредли, он заставит их насрать в башмак и сожрать собственное дерьмо. – Стейси вытер рот, с восторгом и обожанием глядя на старшего брата.

– Ты запачкал рубашку, Худышка, – щелкнул тот Стейси по лбу. – Никак не справишься с мясом? Кишка тонка, да?

– Если нас поймают, тебя посадят. И надолго, – предупредил Ричардс. – Кто позаботится о мальчишке?

– Если что-то случится, он позаботится о себе сам, – отрезал Бредли. – Он и ма. Он уже многое умеет. Так, Стейси?

Стейси энергично закивал.

– И знает, что я вышибу ему мозги, если он не сделает все как надо. Не правда ли, Стейси? Очередной кивок.

– Кроме того, деньги нам не помешают. В семье больной человек. Так что хватит об этом. Кажется, я знаю, что надо делать.

Ричардс в молчании докурив сигарету, а Бредли пошел в спальню, чтобы дать Касси лекарство.

...Минус 063, отсчет идет...

Проснулся он еще в темноте, внутренний часовой механизм подсказал ему, что сейчас половина пятого. Девочка, Касси, кричала. Бредли встал, чтобы подойти к ней. Они втроем спали в маленькой грязной спальне, Стейси и Ричардс на полу. Ма легла с девочкой.

Под сопение крепко спящего Стейси Ричардс услышал, как Бредли вышел из комнаты. Звякнула ложечка о раковину. Крики девочки сменились стонами, смолкли. Ричардс чувствовал, что Бредли стоит на кухне, ожидая, пока восстановится тишина. Вернулся, сел, кровать заскрипела пружинами под его телом.

– Бредли?

– Что?

– Стейси сказал, что ей всего пять. Это правда?

– Да, – мрачно ответил Бредли.

– Как пятилетний ребенок может болеть раком легких? Я о таком не слышал. Лейкемия, возможно. Но не рак легких.

С кровати донесся невеселый смешок.

– Ты из Хардинга, да? Каков коэффициент загрязнения воздуха в Хардинге?

– Не знаю. Его больше не объявляют в прогнозе погоды. Не объявляют с... не знаю.

Давно.

– В Бостоне не объявляют с две тысячи двадцатого года, – уточнил Бредли. – Боятся. У тебя нет носового фильтра, не так ли?

– Что ты несешь, – раздраженно бросил Ричардс. – Эта штука стоит две сотни баксов, даже на распродаже. Я не держал в руках две сотни весь прошлый год. А у тебя?

– Нет. – Бредли помолчал. – У Стейси есть. Я ему сделал. У ма, Рича Голеона и некоторых других тоже.

– Ты надо мной смеешься.

– Нет, парень. – Вновь пауза. Ричардс внезапно осознал, что Бредли и так сказал ему куда больше, чем хотел. И продолжил он с видимой неохотой: – Мы читаем книги. Фри-ви – для пустоголовых.

Ричардс согласно кивнул.

– Банда, понимаешь. Некоторые маются бездельем. У них вся радость – в субботу вечером избить какого-нибудь хонки. Но есть среди нас и такие, кто с двенадцати лет ходит в библиотеку.

– В Бостоне в библиотеку можно попасть без карточки?

– Нет. И карточку выдают только тем, у кого в семье гарантированный доход в пять тысяч баксов. Мы позаимствовали карточку у одного толстозадого говнюка. Ходим в библиотеку по очереди. У нас есть один костюм на всех, его надевает тот, кто идет. – Бредли помолчал. – Вздумаете смеяться надо мной – прирежу.

– Я не смеюсь.

– Сначала мы читали только сексуальные книжки. Потом, когда Касси заболела, я заинтересовался загрязнением окружающей среды. Все книги о коэффициентах чистоты, уровнях смога и носовых фильтрах у них в спецхране. Мы изготовили ключ по восковому слепку. Парень, тебе известно, что в Токио с две тысячи двенадцатого года все обязаны вставлять в нос фильтры?

– Нет.

– Рич и Динк Моран изготовили счетчик загрязнения. Динк вырвал чертеж из книги, и они сварганили его из банок из-под кофе и деталей, которые скрутили с автомобилей. Он

спрятан в надежном месте. Парень, ты знаешь, что в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году шкала загрязненности обрывалась на двадцати баллах? Понимаешь?

– Да.

– Когда загрязненность достигала двенадцати баллов, заводы и все загрязняющее воздух дерьмо останавливали до тех пор, пока не изменится погода. Этот федеральный закон действовал до восьмидесят седьмого года. Потом его отменил Обновленный конгресс. – Тень на кровати приподнялась на локте. – Готов спорить, среди твоих знакомых многие болеют астмой.

– Конечно, – согласился Ричардс. – У меня тоже астма, пусть и в легкой степени. Таким уж мы дышим воздухом. Господи, всем известно, что в жаркий облачный и безветренный день лучше оставаться дома...

– Температурная инверсия, – мрачно прокомментировал Бредли.

– И у многих астма, это так. В августе и сентябре воздух просто загустевает. Но рак легких...

– Ты говоришь не об астме, – оборвал его Бредли. – Ты говоришь об эмфиземе.

– Эмфиземе? – Ричардс попытался классифицировать это новое для него слово, но безуспешно.

– Все ткани в легких разбухают. Ты вдыхаешь, вдыхаешь, вдыхаешь, а воздуха все равно не хватает. Ты же знаешь, такое случается со многими?

Ричардс задумался. Действительно, Бредли прав. Многие от этого и умирали.

– Об этом стараются не говорить. – Бредли словно прочитал мысли Ричардса. – Нынче в погожий день загрязненность воздуха в Бостоне равняется двадцати баллам. Это равносильно тому, что ты в день выкуриваешь четыре пачки сигарет. А в плохие дни поднимается до сорока двух. Старики падают замертво прямо на улице. В свидетельстве о смерти пишут: астма. Но причина-то в воздухе, воздухе, воздухе. И они продолжают загрязнять его. Трубы дымят двадцать четыре часа в сутки. Большим боссам это нравится.

Эти двухсотдолларовые фильтры – полное дерьмо. Две пластинки сетки, а между ними клочок ментоловой ваты. И все. Хорошие фильтры делает только «Дженерал атомикс». Но позволить их себе могут только жирные коты. А нам они дают фри-ви, чтобы мы поменьше болтались на улице и спокойно умирали, не выходя из дому. Как тебе это понравится? Самый дешевый носовой фильтр «Джи-Эй» стоит шесть тысяч новобаксов. Мы сделали такой для Стейси, уложившись в десять. Чертежи и описание взяли из книги. Преобразователь вытащили из слухового аппарата, цена которому семь баксов. Что скажешь?

Ричардс молчал. Что он мог сказать?

– Когда Касси умрет, ты думаешь, они напишут «рак легких» в свидетельстве о смерти? Черта с два. Они напишут «астма». Чтобы никого не пугать. Кто-то может украсть библиотечную карточку и узнать, что с две тысячи пятнадцатого года смертность от рака возросла на семьсот процентов.

– Это правда? Ты не преувеличиваешь?

– Я прочитал об этом в книге. Парень, они нас убивают. Фриви нас убивает. Все равно что иллюзионист заставляет тебя смотреть, как булочки вываливаются из блузы его ассистентки, чтобы ты не видел, как он перекладывает кролика из кармана штанов в шляпу. – Бредли вздохнул. – Иногда я думаю, что могу покончить с этим ужасом, выступив по фри-ви. Десяти минут хватит, чтобы все сказать. У каждого мог бы быть носовой фильтр, если бы Сеть хотела, чтобы они у нас были.

– И я им помогаю, – простонал Ричардс.

– Это не твоя вина. Ты должен бежать.

Перед мысленным взором Ричардса возникло лицо Киллияна, потом Артура М. Бурнса. Ему хотелось наброситься на них с кулаками. А еще лучше – вырвать из ноздрей фильтры и пинками выгнать их на улицу.

– Люди злы, – продолжал Бредли. – Они злятся на хонки уже тридцать лет. Им нужен лишь повод. Повод... один повод...

Ричардс провалился в сон.

...Минус 062, отсчет идет...

Ричардс провел в доме весь день, пока Бредли покупал машину и договаривался с другим членом банды о том, чтобы перегнать ее в Манчестер.

Бредли и Стейси вернулись к шести часам, и Бредли включил фри-ви.

– Все улажено, дружище. Отбываем сегодня.

– Прямо сейчас?

Бредли усмехнулся:

– Разве ты не хочешь посмотреть на себя?

Ричардс понял, что хочет, и тут же на экране вспыхнула заставка «Бегущего человека».

Бобби Томпсон смотрел прямо в объектив, яркое пятно на черном фоне.

– Будьте бдительны. Вот волк, который рыщет среди вас!

И экран заполнило лицо Ричардса. Мгновение спустя оно исчезло, уступив место другому Ричардсу, в облике Джона Гриффена Спрингера.

Вновь возникла физиономия Томпсона, очень серьезная.

– Прежде всего я обращаюсь к жителям Бостона. Вчера днем пятеро полицейских погибли, нашли страшную, мучительную смерть в пламени пожара, вспыхнувшего в подвале здания бостонского отделения ИМКА. Этот умный, безжалостный волк заманил их в ловушку. В каком образе предстанет он перед вами сегодня? *Где он этим вечером? Посмотрите! Посмотрите на него!*

Включилась первая видеокассета из снятых этим утром. Стейси бросил их в почтовый ящик на авеню Содружества в другом конце города. Съемку они провели в дальней спальне, закрыв тряпками окно и всю мебель. Камеру держала ма.

– Все, кто видит меня, – медленно заговорил Ричардс. – Не техники, не обитатели пентхаусов, таким ублюдкам, как вы, мне сказать нечего. Я обращаюсь к жителям домов Развития, гетто, трущоб. Тем, кто сбивается в мотоциклетные банды. Тем, кто давно без работы и не имеет ни единого шанса ее получить. Подросткам, брошенным за решетку за наркотики, которых они не держали в руках, и преступления, которых они не совершали, только потому, что Сеть не хочет, чтобы вы собирались вместе и говорили друг с другом. Я хочу рассказать вам всем о чудовищном заговоре, который лишает вас самой возможности ды...

Что-то захрюкало, запищало, забулькало. А потом звук пропал вовсе. Губы Ричардса шевелились, но с них не срывалось ни звука.

– Похоже, дефект записи. – Бобби Томпсон взял инициативу на себя. – Да и нет нам нужды выслушивать галиматью, что несет этот убийца. Мы и так прекрасно знаем, с кем имеем дело, не так ли?

– *Да!* – взревела аудитория.

– Что вы сделаете, если увидите его на своей улице?

– *СДАДИМ!*

– А что делать нам, когда мы его найдем?

– *УБИТЬ ЕГО!*

Ричардс грохнул кулаком о подлокотник кресла.

– Мерзавцы.

– А ты думал, они позволят тебе высказаться в эфире? – насмешливо спросил Бредли. – Как бы не так. Я удивлен, что тебя оборвали не с первого слова.

– Я этого не ожидал.

– Оно и видно.

За первой кассетой последовала вторая. На ней Ричардс советовал людям идти в библиотеки, требовать доступа к книгам, узнавать правду. Он зачитал список книг о загрязнении воздуха и воды, который дал ему Бредли.

Изображение Ричардса открывало рот.

– Как я вас всех ненавижу. – Губы произносили совсем другие слова, но кто из двухсот миллионов зрителей, прилипших к экранам, мог это заметить. – К черту копов! К черту Корпорацию Игр! Я убью каждого копа, кто попадется мне на пути. Я... – Ричардсу хотелось заткнуть уши и выбежать из комнаты. Он не мог сказать, то ли кто-то имитировал его голос, то ли манипуляциями с записью они сумели использовать произнесенные им слова.

Кассета закончилась, на одной половине экрана возникло лицо Томпсона, на второй – фотоснимок Ричардса.

– Остерегайтесь этого человека, – воззвал Томпсон. – Человека, который убивает. Человека, который хочет собрать армию головорезов и вывести ее на ваши улицы, чтобы насилловать, жечь, крушить. Этот человек способен на ложь, обман, убийство. Он это уже доказал.

– Бенджамин Ричардс. – В голосе звучала холодная обличающая ярость ветхозаветного пророка. – Ты нас смотришь? Если да, то знай, что тебе заплачены твои кровавые деньги. По сто долларов за каждый час, теперь их уже пятьдесят четыре, проведенных тобой на свободе. И пятьсот долларов сверху. По сто за каждого из этих пяти человек.

На экране появились пять молодых, жизнерадостных лиц. Должно быть, из выпускного альбома Полицейской академии. Все с надеждой смотрели в будущее. За кадром одинокая труба заиграла траурный марш.

– И их... – голос Томпсона дрогнул, переполненный эмоциями, – ...и их семьи.

Жены – все как одна улыбающиеся. Дети. Много детей. Ричардс, растоптанный, подавленный, опустил голову, прижал ладонь ко рту.

И тут же крепкая рука Бредли сжала ему плечо.

– Нет, нет. Это все подстроено. Надувательство, ничего больше. Ты уничтожил сволочей, у которых руки по локоть...

– Замолчи, – прохрипел Ричардс. – Замолчи. Пожалуйста, замолчи.

– Пятьсот долларов. – Голос Томпсона исходил ненавистью и презрением, глаза горели жадной мести. – Пятеро полицейских, пять жен, девятнадцать детей. Выходит по семнадцать долларов и двадцать пять центов на каждого убитого или лишившегося близкого человека, на каждое разбитое сердце. Да, дешево ты работаешь, Бен Ричардс. Даже Иуда получил тридцать сребреников, ты же не требуешь и этого. И может быть, в этот самый момент не одна мать говорит своему ребенку, что папы нет дома, потому что страшный, алчный человек с оружием...

– Убийца! – всхлипнула женщина. – Грязный убийца! Бог тебя покарает!

– Покарает! – ревом откликнулась аудитория.

– Остерегайтесь этого человека! – повторил Бобби Томпсон. – Ему заплачены кровавые деньги, но тот, кто поднял меч, от меча и погибнет! Все как один встанем против Бена Ричардса!

Ненависть буквально выплеснулась с экрана. Нет, они не будут сдавать его властям. Они сами разорвут его на куски, как только увидят.

Бредли выключил фри-ви, повернулся к Ричардсу:

– Вот с кем ты имеешь дело, парень. Что скажешь?

– Может, я их всех перебью. – Ричардс говорил сам с собой. – Может, перед смертью мне удастся подняться на девяностый этаж и убить подонков, которые все это придумали? Просто взять и убить.

– Хватит говорить об этом! – взвизгнул Стейси. – Прекратите об этом говорить!

В соседней комнате спала умирающая, накачанная наркотиками Касси.

...Минус 061, отсчет идет...

Бредли не решился просверлить дырки в днище багажника, поэтому Ричардсу пришлось свернуться в клубок и прильнуть ртом к замочной скважине. Бредли также снял внутреннюю изоляцию по периметру крышки, чтобы увеличить приток воздуха.

Машина рывком приподнялась, и он ударился головой о крышку. Бредли предупредил, что ехать им часа полтора, с двумя, а то и больше остановками на полицейских постах. Прежде чем захлопнуть крышку, он дал Ричардсу большой револьвер.

– Они полностью досматривают каждый десятый или двенадцатый автомобиль. Открывают багажник и все такое. Одиннадцать к одному – шансы неплохие. Если уж не повезет, захватишь с собой пару-тройку свиней.

Машина понеслась над изрытыми колдобинами улицами города. Однажды до Ричардса донесся чей-то крик, а в борт ударился кусок асфальта. Вскоре по звукам снаружи он понял, что машин заметно прибавилось. Как и остановок на светофорах.

Ричардс лежал, сжимая револьвер в правой руке, и думал о том, что Бредли выглядел совсем другим в единственном на всю банду костюме. Двубортном, сером (от такого не отказался бы и банкир). В комплекте с бордовым галстуком и маленькой золотой заколкой с эмблемой НАСПЦН¹². В мгновение ока Бредли из бандита (бе ремненным следует держаться подальше – некоторые из нас закусывают исключительно неродившимися младенцами) превратился в уверенного в себе чернокожего бизнесмена, точно знающего, кто есть кто.

– Ты хорошо выглядишь, – восхищенно прокомментировал Ричардс. – Я просто не верю своим глазам.

– Восславим Господа, – вставила ма.

– Я подумал, что перемена тебе понравится, мой добрый друг, – с достоинством изрек Бредли. – Я окружной менеджер «Рейгон кемикелз». В этом округе бизнес у нас процветает. Бостон – прекрасный город. И люди здесь такие веселые, общительные.

Стейси захохотал.

– А тебе лучше заткнуться, ниггер. Или ты у меня насрешь в башмак и съешь свое дерьмо.

– У тебя такой хороший костюм, Бредли. – Стейси продолжал смеяться, нисколько не испугавшись. – В нем ты настоящий хонки.

Машина повернула направо, по спирали пошла вниз. Ричардс понял, что сейчас они выедут на шоссе. Ноги начала сводить судорога.

Одиннадцать к одному – шансы неплохие.

Машина набрала скорость и высоту, затем резко затормозила, опустилась на землю. Мерзкий механический голос повторял снова и снова: «сверните на обочину... приготовьте водительское удостоверение и регистрационный талон... сверните на обочину... приготовьте...»

Уже. Началось.

У тебя земля горит под ногами, парень.

А если они будут проверять багажник каждого восьмого автомобиля? Каждого шестого? Каждого?

Пневмокар остановился. Глаза Ричардса метались в орбитах, словно кролики в клетке. Он еще сильнее сжал рукоятку револьвера.

¹² Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (NAACP/ National Association for the Advancement of Colored People) – крупнейшая негритянская общественная организация, основанная в 1909 году с целью добиваться равноправия негритянского населения через суды и общественное мнение.

...Минус 060, отсчет идет...

– Выйдите из кабины, сэр. – Скучающий властный голос. – Пожалуйста, ваши удостоверение и талон.

Дверца открылась и захлопнулась. Двигатель мягко гудел, удерживая машину в дюйме над асфальтом.

– ...окружной менеджер «Рейгон кемикелз»...

Бредли отлично играл свою роль. Святой Боже, а если у него нет документов, подтверждающих его легенду? Да и существовала ли эта самая «Рейгон кемикелз»?

Открылась задняя дверца, кто-то начал похлопывать рукой по заднему сиденью. У Ричардса создалось впечатление, что коп (а может, правительственный гвардеец) вот-вот заберется к нему в багажник.

Дверца захлопнулась. Шаги двинулись к багажнику. Ричардс облизал губы, приподнял револьвер. Перед его мысленным взором возникли ангельские лица убиенных копов. Интересно, подумал он, успеет ли коп изрешетить его из автомата, когда откинется крышка багажника? Бросится ли бежать Бредли? От волнения он едва не надул в штаны. Такое последний раз случилось с ним в детстве, когда его защекотал младший брат и мочевой пузырь дал течь. Вот и сейчас он едва сдерживался. Если крышка откроется, он успеет пустить копу пулю в лоб, размажет его мозги по асфальту. Осиротит еще несколько детей. И хорошо. Так и надо. Иисус любит меня, я это знаю, об этом твердит мне мой мочевой пузырь. Господи Иисусе, что он делает? Вырывает с мясом заднее сиденье? Шейла, я так люблю тебя. На сколько хватит тебе шести тысяч? На год, если тебя не убьют за эти деньги. А потом снова на улицу, на угол, вертеть бедрами. Эй, мистер, я делаю и минет, не волнуйтесь, я чистенькая, могу научить...

Рука небрежно хлопнула по багажнику, и Ричардс едва подавил крик. Засвербило в носу. Вспомнился урок биологии в средней школе. Он сидел на задней парте и выщарапывал на ней инициалы, свои и Шейлы. *Чихание вызывается произвольным сокращением носовых мышц.* Этот чих может стоить голо...

– Что в багажнике, мистер?

Голос Бредли, уверенный, с нотками скуки.

– Запасной диффузор, который немного барахлит. Ключ у меня на кольце. Сейчас принесу.

– Если бы он мне потребовался, я бы сказал.

Открылась вторая задняя дверца, захлопнулась.

– Проезжайте.

– Смотрите в оба. Желаю вам взять его.

– Проезжайте, мистер. Не задерживайте.

Диффузоры засвистели. Пневмокар приподнялся, скорость возросла. Вновь упала, должно быть, другой коп хотел их остановить, но передумал. Ричардс перевел дух. Чихать ему уже расхотелось.

...Минус 059, отсчет идет...

На дорогу ушло больше полутора часов, и их останавливали еще дважды. Один раз просто проверили документы. Второй коп с гнусавым голосом долго убеждал Бредли в том, что проклятые комми-байкеры помогают Ричардсу и скорее всего второму тоже. Лафлин еще никого не убил, но ходили слухи, что он изнасиловал женщину в Топике¹³.

Потом он слышал лишь монотонный посвист ветра и терпел боль затекших мышц. Заснуть Ричардс не смог, но утомленный мозг погрузился в полудрему. Слава Богу, в выхлопе пневмокаров не было окиси азота.

После последней проверки прошло никак не меньше столетия, когда машина сбросила скорость и свернула на спиральный съезд. Ричардс разлепил веки, к горлу подкатила тошнота. Впервые в жизни его укачало.

Потом пошли бесконечные повороты, спуски и подъемы: Ричардс догадался, что они пробираются через транспортную развилку. Еще пять минут, и по характеру шумов Ричардс понял, что они снова в городе. В который уж раз попытался изменить положение тела, но вновь у него ничего не вышло. Он сдался, смиренно ожидая завершения путешествия. Правая рука, оказавшаяся под телом, уже с час как окончательно онемела. Теперь она напоминала деревяшку. На прикосновения просто не реагировала.

Правый поворот, движение по прямой, опять поворот, крутой спуск. По изменению отзвука выхлопных струй Ричардс понял, что они в помещении. Добрались-таки до гаража.

С губ сорвался вздох облегчения.

– Квитанция имеется, приятель? – спросил незнакомый голос.

– Держи.

– Пандус номер пять.

– Хорошо.

Они повернули направо, поднялись по пандусу, постояли, вновь повернули направо, потом налево. Бредли перевел двигатель на холостые обороты, а когда пневмокар завис над самым полом, совсем выключил его. Конец пути.

Короткие мгновения тишины, открылась и закрылась дверца, шаги прошествовали к багажнику, световая точка перед глазами Ричардса исчезла: ключ вошел в замочную скважину.

– Ты здесь, Бенни?

– Нет, – прохрипел он. – Они забрали меня на границе штата. Поднимай эту чертову крышку.

– Одну секунду. Сейчас здесь никого нет. Твоя машина припаркована рядом. Справа от нас. Ты сможешь вылезти быстро?

– Не знаю.

– Постарайся. Поехали!

Крышка откинулась, в гараже стоял полумрак. Ричардс приподнялся на левой руке, перекинул через край одну ногу и застыл. Затекшее тело кричало от боли. Бредли подхватил его и чуть ли не волоком дотащил до выдавшего вида зеленого «уинта». Распахнул водительскую дверцу, усадил Ричардса за руль, захлопнул дверцу. Мгновением позже плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Господи, – выдохнул он. – Мы здесь, парень. Мы здесь.

– Да уж, – эхом отозвался Ричардс. – К тому же еще и живые.

Они закурили, в сумраке гаража красными огоньками светились кончики сигарет. Какое-то время оба молчали.

¹³ Административный центр штата Канзас.

...Минус 058, отсчет идет...

– Нас едва не сцапали на первом контрольном пункте, – говорил Бредли, пока Ричардс растирал правую руку. – Этот коп хотел открыть багажник. Хотел. – Ричардс промолчал. – Как самочувствие?

– Получше. Достань бумажник. У меня рука не сгибается.

Бредли отмахнулся:

– Успеется. Сначала послушай, что мы с Ричем придумали.

Ричардс прикурил вторую сигарету от окурка первой. Нервное напряжение постепенно спадало.

– Мы сняли для тебя номер в отеле на Уинтроп-стрит. Называется он «Уинтроп-Хаус». Звучит внушительно. На самом деле крысиная нора. На имя Огдена Грасснера. Запомнишь?

– Конечно. Меня узнают в первую же секунду.

Бредли перегнулся через спинку, достал с заднего сиденья коробку, положил Ричардсу на колени. Длинную, коричневую, перевязанную бечевкой. В таких коробках, подумал Ричардс, носят взятые напрокат платья для выпускного вечера. Он вопросительно взглянул на Бредли.

– Открой.

Ричардс не заставил просить себя дважды. Очки с толстыми затемненными стеклами лежали поверх темного материала. Ричардс положил очки на приборный щиток, достал из коробки... сутану священника. Под ней оказались четки, Библия и пурпурная накидка.

– Священник?

– Совершенно верно. Переоденешься прямо здесь. Я тебе помогу. Трость на заднем сиденье. Ты не слепой, а слабовидящий. Натыкаешься на то, что попадается на пути. В Манчестер ты прибыл на совещание Совета церквей, посвященное борьбе с наркотиками. Понял?

– Да. – Пальцы Ричардса поглаживали пуговицы рубашки. – Слушай, а брюки под этой дерюгой носят?

Бредли расхохотался.

...Минус 057, отсчет идет...

Бредли говорил быстро. Он вновь сидел за рулем, Ричардс – на пассажирском сиденье.

– В твоём чемодане коробка с почтовыми наклейками. Чемодан в багажнике. На наклейках написано: «Через пять дней вернуть в «Бриксилл мануфакчуринг компани», Манчестер, Нью-Хэмпшир». Изготовили их Рич и еще один парень. В штаб-квартире «Бильярдистов» на Бойлстон-стрит. Каждый день ты будешь посылать мне две кассеты в коробке с такой наклейкой, а я – отправлять их Корпорации Игр. Пользуйся услугами экспресс-почты. Они до этого не додумаются.

Машина плавно остановилась у тротуара перед «Уинтроп-Хаус».

– «Уинт» я верну в гараж. Не пытайся уехать из Манчестера в таком облачении. Ты должен превратиться в хамелеона, приятель.

– Как долго я могу здесь пробыть? – спросил Ричардс. Я полностью у него в руках, подумал он. Но, с другой стороны, что он мог сделать в одиночку? Да и сил почти не осталось, ни физических, ни моральных.

– Номер забронирован на неделю. Возможно, столько ты тут и пробудешь. Возможно – нет. Действуй по обстановке. В чемодане найдешь имя и адрес. Парень из Портленда, штат Мэн. Там тебя спрячут на день-другой. Это обойдется тебе недешево, но ты будешь в безопасности. Мне надо ехать, парень. Стоянка не больше пяти минут. Пора расплачиваться.

– Сколько? – спросил Ричардс.

– Шесть сотен.

– Что ты несешь? Этим даже не покроешь расходы.

– Покроешь. Да еще останется несколько баксов на семейный обед.

– Возьми тысячу.

– Бабки тебе еще понадобятся, приятель. Будь уверен.

Ричардс в растерянности посмотрел на него:

– Господи, Бредли...

– Остальное пришлешь, если прорвешься. Скажем, миллион. Чтобы мы зажили припеваючи.

– Ты думаешь, прорвусь?

Бредли улыбнулся, грустно, печально, и промолчал.

– Тогда почему? – прямо спросил Ричардс. – Почему ты столько для меня делаешь? Ты меня прячешь, это я могу понять. Сам поступил бы так же. Но ведь ты привлекаешь и своих друзей.

– Они не возражают. Расклад им известен.

– Какой расклад?

– Один – за всех, все – за одного. Вот какой. Если мы не будем помогать своим, они нас сделают. Нет нужды ждать, что воздух когда-нибудь станет чище. Проще сразу провести трубу от газовой печки в комнату, включить фри-ви и расслабиться.

– Кто-нибудь тебя убьет, – предупредил Ричардс. – Кто-нибудь донесет на тебя, и в каком-нибудь подвале тебе выпустят кишки. Или Стейси. Или ма.

Глаза Бредли угрожающе блеснули.

– Плохой день придет. Плохой день для этих подонков, у кого брюхо набито ростбифом. Я увижу, как луна окрасится для них кровью. А на улицах скажут свое слово винтовки и факелы. Придет мессия, который поведет нас за собой.

Об этом говорят уже две тысячи лет.

Зажужжал зуммер: пять минут, отведенные на стоянку, истекли. Ричардс взялся за ручку дверцы.

– Спасибо тебе. Не знаю, как сказать по-другому...

– Иди, пока я не заработал штраф. – Сильная рука ухватила обтянутое сутаной плечо. – А когда они доберутся до тебя, забери нескольких с собой.

Ричардс открыл заднюю дверцу, достал чемодан. Бредли без слов протянул ему коричневую трость.

Машина тронулась с места и плавно влилась в транспортный поток. Ричардс постоял, провожая ее взглядом, как он надеялся, взглядом близоруким. Задние огни блеснули на углу и скрылись из виду. Бредли покатыл в гараж, чтобы поменять машины и вернуться в Бостон.

Чувство облегчения охватило Ричардса: он понял, что счастлив за Бредли. *Как он, должно быть, рад, наконец-то отделавшись от меня!*

Ричардс не преминул споткнуться о первую ступеньку лестницы, ведущей к парадной двери «Уинтроп-Хаус», и швейцар поспешил к нему на помощь.

...Минус 056, отсчет идет...

Прошло два дня.

Ричардс хорошо играл свою роль – от этого зависела его жизнь. Обед заказывал в номер. В семь утра читал Библию в вестибюле, потом отправлялся на «совещание». Работники отеля относились к нему вежливо, но пренебрежительно. Другого полуслепой, натыкающийся на все священник (пусть и оплачивающий счета) в век частично легализованного права на убийство, бактериологической войны в Египте и Южной Африке и закона об абортах штата Невада, требующего убивать и мать, и не заслуживал. Собственно, и Папа Римский, девяноста шести лет от роду, со своими эдиктами, касающимися текущих событий, просился на юмористические страницы, а не в информационный раздел.

«Совещался» Ричардс в арендованной им библиотечной кабинке, где, заперев дверь, читал о загрязнении окружающей среды. После 2002 года информации поступало очень мало, а та, что поступала, никак не соотносилась с написанным ранее. Государство, как обычно, достаточно эффективно проводило политику двойного стандарта: одно – для широкой общественности, другое – для узкого круга.

В полдень он шел в кафетерий неподалеку от отеля, натыкаясь на прохожих и всякий раз извиняясь. Некоторые говорили ему, что ничего страшного не произошло, святой отец. Другие просто ругались и шли дальше.

Вторую половину дня он оставался в номере, обедал, наблюдая на экране фри-ви «Бегущего человека». Дважды по утрам он отправлял по две видеокассеты. Судя по всему, они доходили до бостонского адресата, а потом переправлялись в Хардинг.

Продюсеры программы нашли новый способ заглушить протесты Ричардса против загрязнения воздуха, земли, воды (теперь он не говорил ни о чем другом, надеясь донести свои слова до тех, кто умеет читать по губам): зрители заглушали его голос воплями, криками, ругательствами, проклятиями. Рев зрителей многократно усиливался динамиками, приводя аудиторию в полное неистовство.

Вечерами Ричардс долго размышлял, отмечая для себя, что за эти пять дней он сильно изменился, причем помимо своей воли. Заслуга в этом принадлежала Бредли – Бредли и маленькой девочке. Теперь он был не сам по себе, одиночка, обреченный на смерть, борющийся за благополучие своей семьи. Теперь он стал одним из многих, всех тех, кому нес смерть каждый вдох. В их число входили и Шейла, и Кэти.

Он никогда не считал себя общественным деятелем. Борьбу за что бы то ни было воспринимал с презрением и отвращением. Этим могли заниматься сосунки и люди, у которых избыток свободного времени и денег, вроде колледжских юнцов с их яркими значками и неорочковыми группами.

Отец Ричардса растворился в ночи, когда мальчику только исполнилось пять лет. Поэтому об отце у него остались лишь отрывочные воспоминания. Ненависти к отцу он не испытывал. Он понимал, что, оказываясь перед выбором: честь или ответственность, – мужчина практически всегда выбирает честь, если ответственность не позволяет ему оставаться мужчиной. Мужчина не может слоняться по дому и наблюдать, как жена своим телом зарабатывает ему на пропитание. Если мужчина превращается в сутенера собственной жены, полагал Ричардс, ему лучше выпрыгнуть из окна верхнего этажа.

С пяти до шестнадцати лет он не жил, а боролся за существование, он и его брат Тодд. Их мать умерла от сифилиса, когда ему было десять, а Тодду – семь. Тодд погиб пятью годами позже: у пневмогрузовика, стоявшего на подъеме, сорвался ручной тормоз, и он наехал на стоявшего у кузова Тодда. И мать, и сына отправили в муниципальный крематорий. Мальчишки называли его Зольной фабрикой. Они знали, что в большинстве своем тоже превратятся в жир-

ный дым, постоянно извергаемый высокой трубой. В шестнадцать Ричардс остался один, после занятий в школе шел на завод, на полную восьмичасовую смену. Работал он на износ, и при этом его не оставляла паническая мысль – во всем мире у него никого нет. Иной раз он просыпался в три часа ночи в крошечной однокомнатной квартирке, пропахшей тухлой капустой, мокрый от пота, ужас проникал в самые дальние уголки его сознания: он один-одинешенек.

Вот так он женился, и Шейла провела первый год в гордом молчании, пока их друзья (и враги Ричардса – их он приобрел, отказываясь участвовать в погромах и присоединиться к местной банде) ждали появления их первенца. Ребенок не родился, и интерес к ним угас. Их оставили жить в квартале, отведенном в Ко-Оп-Сити для молодоженов. Немногих друзей и знакомых пускали только до входной двери подъезда. Ричардс не возражал, его это вполне устраивало. Он брался за любую сверхурочную работу. Платили плохо, перспектив на продвижение по службе не было никаких, инфляция нарастала, но они любили друг друга. И чувство это с годами не угасало. Ричардс накопил громадные запасы любви и дарил их женщине, на которой остановил свой выбор. За одиннадцать лет совместной жизни они ни разу серьезно не повздорили.

Работу он бросил в 2018 году, потому что шансы иметь детей уменьшались с каждой сменной, проведенной за «дырявыми» устаревшими свинцовыми щитами «Джи-Эй». Возможно, он сумел бы найти себе другую работу, если бы солгал, отвечая на вопрос бригадира: «Чего ты уходишь?» Но Ричардс высказал ему все, что думал о «Джи-Эй», предложив бригадире взять эти самые щиты и засунуть их себе в задницу. Дело кончилось дракой. Бригадир был крепким парнем, но тут заголосил, как баба.

Так он получил черную метку. Он опасен. Держитесь от него подальше. Если уж вам нужен работник, возьмите его на неделю, а потом гоните вон. «Джи-Эй» зачислила Ричардса в красные.

Следующие пять лет он по большей части разгружал и загружал газеты, но работу удавалось найти все реже. А вскоре и этот денежный ручеек совсем пересох. Фри-ви убило печатное слово. Ричардс топтал ногами мостовую. Ричардса гнали дальше. Время от времени Ричардс находил работу на час-другой.

Важнейшие события последних десяти лет прошли мимо него незамеченными. Он ничего не знал о Резне домохозяек в 2024-м, пока жена не сказала ему об этом три недели спустя: двести полицейских, вооруженных автоматами и электрошоковыми дубинками, набросились на колонну женщин, идущих к Юго-Западному продовольственному распределителю. Шестьдесят женщин погибли. Он вроде бы слышал о нервно-паралитическом газе, использованном на Ближнем Востоке. Его это не касалось. Протесты не помогали. Насилие ничего не давало. Мир такой, какой он есть, и Ричардс плыл по течению, ни о чем не прося, желая найти только одно – работу. Чего ему только не приходилось делать. Он счищал мерзкую слизь с подводной части волнорезов, выгребал грязь из отстойных канав, тогда как другие слонялись по улицам в полной уверенности, что ищут работу.

Шевелись, слизняк. Проваливай. Нет работы. Проваливай. Надевай свои грязные башмаки, чего расселся. Сейчас расшибу твою дурацкую голову. Шевелись.

Однако и самую грязную работу становилось найти все труднее. Как-то вечером, когда Ричардс возвращался домой после бесплодного дня, его остановил богатый мужчина в шелковом комбинезоне, изрядно выпивший. Он предложил Ричардсу десять новодолларов, если он, Ричардс, спустит штаны. Мужчине хотелось посмотреть, действительно ли у уличных бродяг хозяйство длиной в фут. Ричардс сшиб его с ног ударом кулака и убежал.

И вот тогда-то, через девять лет усилий, Шейла зачала. Он же работал чернорабочим на атомном предприятии, говорили соседи. Можете вы поверить, что мужчина, проработавший шесть лет в зоне повышенной радиации, может обрюхатить женщину?

– Если кто и родится, так урод, – говорили соседи. С двумя головами и без глаз. *Радиация, радиация, твои дети будут уродами...*

Но родилась Кэти. Кругленькая, хорошенькая, крикливая. Повитуха, живущая в этом же квартале, приняла роды, получив пятьдесят центов и четыре банки фасоли.

И теперь, впервые после смерти брата, Ричардс почувствовал себя человеком. На него уже ничто не давило (даже Охотники), он расправил плечи.

Как же он ненавидел Корпорацию Игр, опутавшую весь мир сетью коммуникаций. Как же он ненавидел жирных котов с фильтрами в носу, проводящих вечера с куколками в шелковом белье. Пусть упадет нож гильотины. Раз, другой, третий... И все-таки он не находил способа добраться до них. Они возвышались над остальными, словно Геймс-билдинг.

Он думал об этом, одинокий, преследуемый, думал, не подозревая о том, что при этих мыслях его губы расходились в волчьем оскале, страшном оскале, способном взрывать мостовую и рушить дома. Тот же оскал увидел на его лице богатый мужчина, которого он давным-давно сшиб с ног ударом кулака и убежал, не обчистив его карманы.

...Минус 055, отсчет идет...

До половины седьмого понедельник ничуть не отличался от воскресенья: для работающих один день походил на другой как две капли воды.

Отец Огден Грасснер получил на обед мясной рулет (кухня отеля очень нравилась Ричардсу, привыкшему к сырым гамбургерам и белковым пилулям. Другой мог бы найти стряпню местного повара несъедобной), бутылку вина «Тандерберд» и уселся смотреть «Бегущего человека». Первый кусок, с Ричардсом, прошел так же, как и два предыдущих. Звук с кассет заглушили вопли аудитории. Бобби Томпсон коротко подвел итог. В Бостоне идут повальные обыски. Укрывающих беглеца ждет смерть. Ричардс невесело улыбнулся, когда физиономия Томпсона сменилась рекламным роликом. Можно сказать, даже забавно. Он готов смотреть эту передачу, если только они не будут показывать лица погибших копов.

Вторая часть программы прошла по иному сценарию. Бобби Томпсон обворожительно улыбнулся.

– Теперь, когда мы посмотрели последние видеокассеты, присланные нам чудовищем, которое живет среди нас под именем Бен Ричардс, я с удовольствием сообщаю вам хорошие новости...

Они поймали Лафлина.

Его засекли в Топике в пятницу, но интенсивный поиск в субботу и воскресенье не принес результатов. Ричардс предположил, что Лафлин, как и он, проскользнул через кордоны. Но в понедельник Лафлина углядели двое детей. Он прятался в сторожке департамента автострад со сломанной правой рукой.

Дети, Бобби и Мэри Коулс, лыбились в камеру. У Бобби недоставало переднего зуба. Жаль, что ему выбили не все, мрачно подумал Ричардс.

Томпсон громогласно объявил, что Бобби и Мэри, «лучшие горожане Топики», завтра примут участие в программе «Бегущий человек». Хиззонер, губернатор Канзаса, намеревался лично вручить им Сертификаты достоинства, пожизненные карточки на ежедневную порцию овсянки «Веселая улыбка» и чеки на тысячу новодолларов. Известие вызвало бурю радости.

Затем показали изрешеченное пулями тело Лафлина, когда его вытаскивали из сторожки. Автоматные очереди не оставили на нем живого места. Зрители визжали, орали, стучали ногами.

Ричардс отвернулся, его мучило. Невидимые пальцы сдавили виски.

Издалека доносились слова. Тело выставили на всеобщее обозрение в здании законодательного собрания Канзаса. Туда уже выстроились очереди добропорядочных граждан. Полицейский, принимавший участие в ликвидации Лафлина, сказал корреспонденту, что особого сопротивления тот не оказал.

Считай, что тебе повезло, мысленно бросил копу Ричардс, вспоминая Лафлина, его неприятный голос, презрительный взгляд.

Собрать по несчастью.

Теперь в большом шоу остался один солист. И звали его Бен Ричардс. Есть рулет расхотелось.

...Минус 054, отсчет идет...

В эту ночь ему приснился жуткий кошмар, чего раньше не случалось. Преведний Бен Ричардс снов не видел.

Более того, в действе, которое ему снилось, сам он никакого участия не принимал. Смотрел на все со стороны, невидимый для остальных.

Он видел комнату неопределенного размера, стены ее прятались в темноте. Где-то капала вода. У Ричардса создалось ощущение, что происходит все под землей.

В центре на деревянном кресле сидел Бредли. Руки накрепко привязаны кожаными ремнями к подлокотникам, ноги – к передним ножкам. Голову ему обрили наголо, как заключенному. Окружали его люди в черных капюшонах. Охотники, в ужасе подумал Ричардс. Господи, это же Охотники.

– Я не тот, кого вы ищете, – сказал Бредли.

– Тот, маленький братец, – возразил один из мужчин в капюшонах и вогнал иглу в щеку Бредли.

Бредли закричал.

– Мы ищем тебя?

– Отсоси.

Игла легко вошла в глазное яблоко Бредли, выскользнула наружу с каплей прозрачной жидкости на конце. Глаз Бредли из выпуклого стал плоским.

– Мы ищем тебя?

– Воткни это себе в зад.

Электрошоковая дубинка коснулась шеи Бредли. Он закричал вновья, волосы встали дыбом.

– Мы ищем тебя, маленький братец?

– От носовых фильтров у вас будет рак. Вы сгниете изнутри, хонки.

Ему проткнули второй глаз.

– Мы ищем тебя?

Бредли, слепой, рассмеялся им в лицо.

Один из мужчин в капюшонах махнул рукой, и вперед выступили Бобби и Мэри Коулс. Они начали прыгать вокруг кресла, на котором сидел Бредли, и напевать: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый...»

Бредли закричал, задержался, мышцы рук напряглись: ему хотелось разорвать ремни и зажать уши. Песня становилась все громче и громче. Дети на глазах превращались в волков. Лица вытягивались вперед, в глазах появился красный отблеск. Рты открылись, слюна потекла меж острых как бритва клыков.

– Я скажу! – закричал Бредли. – Я скажу! Я скажу! Вы ищете не меня! Вы ищете Бена Ричардса! Я скажу! Господи... О-о-о... Г-г-господи...

– Где он, маленький братец?

– Я скажу! Я скажу! Он в...

Но слова утонули в поющих детских голосах. Когда Ричардс проснулся, Коулсы тянулись пастями к шее Бредли.

...Минус 053, отсчет идет...

В Манчестере больше оставаться нельзя! Он не знал, что послужило основанием для такого вывода, смерть Лафлина на Среднем Западе, кошмарный сон или предчувствие беды.

Но во вторник утром он остался в номере, не пошел в библиотеку. Ему казалось, что каждая лишняя минута, проведенная в отеле, – приглашение на смерть. Выглядывая из окна, он видел Охотника в каждом сторбленном старике или замешкавшемся водителе такси. Он буквально видел киллеров, крадущихся по коридору. В голове словно тикали гигантские часы.

В начале двенадцатого с нерешительностью было покончено. Оставаться здесь невозможно. Они уже знают, где он.

Ричардс взял трость, на ощупь добрался до лифта, спустился в вестибюль.

– Решили прогуляться, отец Грасснер? – с вежливой, пренебрежительной улыбкой спросил портье.

– Сегодня у нас выходной, – ответил Ричардс, обращаясь к плечу дневного портье. – Кино в этом городе показывают?

Он знал, что кинотеатров с десятков, но в восьми крутят стереоскопические порнофильмы.

– Советую вам заглянуть в «Центр», – осторожно заметил портье. – Вроде бы там показывают диснеевские мультфильмы.

– Благодарю, – ответил Ричардс и по пути к двери едва не сбил стоящую в горшке пальму.

Отшагав два квартала, он вошел в аптеку, где купил бинты и пару дешевых алюминиевых костылей. Продавец упаковал покупки в длинную плоскую пластмассовую коробку, и Ричардс на углу поймал такси.

Машина стояла там, где и в прошлый раз, слезки он не заметил. Ричардса прошиб пот, когда он вспомнил, что водительского удостоверения у него нет, но волновался он недолго. Он же понимал, что повязка и костыли не выдержат даже минимальной проверки. Через любой кордон ему придется прорываться. Закончится сие скорее всего его смертью, но они все равно убьют его, если поймают.

Очки Огдена Грасснера он бросил в «бардачок» и помахал рукой парню, дежурящему у ворот. Тот едва оторвался от порножурнала.

На северной окраине города он завернул на компрессорную станцию. Лицо заправщика горело угрями, поэтому он старался не смотреть на Ричардса, закачивая в баллоны воздух. Ричардс не возражал.

С маршрута 91 он свернул на 17-й, потом на какую-то асфальтированную дорогу без названия. Нашел проселок, съехал на него и заглушил двигатель.

Постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора, обмотал голову бинтом. Рядом на вязе чирикала без умолку какая-то птичка.

Получилось неплохо, решил он. Если в Портленде будет время, стоит добавить шейный бандаж.

Костыли он приставил к пассажирскому сиденью и включил двигатель. Сорок минут спустя въезжал на транспортное кольцо у Портсмута. Держа путь к маршруту 95, сунул руку в карман, достал смятый клочок линованной бумаги, полученный от Бредли. Писал тот почерком самоучки, тщательно выводя каждую букву, с силой налегая на перо:

94 Стейт-стрит, Портленд

СИНЯЯ ДВЕРЬ, ПАНСИОН

Элтон Парракис (и Вирджиния Парракис)

Оторвавшись от бумажки, Ричардс настороженно поднял голову. Черно-желтый патрульный корабль кружил над развилкой в паре с наземным вездеходом. На мгновение они взяли Ричардса в клещи, а потом проследовали дальше. Обычный дорожный патруль.

С каждой остающейся позади милей напряжение спадало. Ричардсу хотелось и смеяться, и блевать. Одновременно.

...Минус 052, отсчет идет...

До Портленда он добрался без происшествий. А вот когда ехал через ухоженный пригород Скарборо (богатые дома, богатые улицы, богатые частные школы, окруженные заборами из проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения), его вновь охватила тревога. Они могут быть где угодно. Могут окружать его. А может, их нет вовсе.

Стейт-стрит, череда каменных домов, выдавших лучшие времена, располагалась по соседству с городским парком, теперь совсем заросшим, превратившимся в джунгли. Приблизительно здешних грабителей, влюбленных, наркоманов и воров, подумал Ричардс. Едва ли кто выходит на Стейт-стрит с наступлением темноты без полицейского пса на поводке или приятелей из местной банды.

Стены дома номер 94 почернели от сажи, окна закрывали древние зеленые ставни. Глядя на него, Ричардс подумал о глубоком старике, умершем с катарактами на обоих глазах.

Он подрулил к тротуару, вышел из кабины. На улице тут и там стояли брошенные пневмокары, некоторые совсем проржавели. У самого парка на боку, словно дохлая собака, лежал «студебекер». Полиция, похоже, этот район не жаловала. Если оставить машину без присмотра, через пятнадцать минут около нее соберется стайка ребятни. Через полчаса в их руках появятся фомки, ключи, отвертки. Они будут постукивать по ним пальцами, сравнивать их, вертеть в руках, устраивать поединки на «мечах». Поднимать над головой, словно определяя направление ветра или ловя таинственные радиосигналы. А через час от машины останется один каркас. Они унесут все, от клапанов и диффузоров до рулевой колонки.

Маленький мальчик подбежал к Ричардсу, когда тот доставал из кабины костыли.

– Скэг, мистер? Отличный товар. Забросит на луну. – Он захихикал, подпрыгивая, морща маленькое обожженное личико.

– Отвали, – коротко ответил Ричардс.

Мальчишка попытался выбить у него один из костылей, Ричардс взмахнул другим, врезав мальчишке по заднице. Тот с проклятиями убежал.

Он медленно поднялся по каменным, в выбоинах, ступеням, посмотрел на дверь. Когда-то синюю, но давно выцветшую до серо-голубизны. Звонки какой-то вандал вырвал вместе с проводом.

Ричардс постучал. Никакой реакции. Постучал вновь.

День катился к вечеру, на улице заметно похолодало. Из парка доносился едва слышный шелест слетающих с деревьев октябрьских листьев.

Открывать дверь никто не собирался. Оставалось только одно – уйти.

Но Ричардс постучал еще раз, почему-то в полной уверенности, что в доме кто-то есть.

На этот раз наградой ему стало медленное шарканье домашних шлепанцев. Шаги замерли у двери.

– Кто там? Мы ничего не покупаем. Уходите.

– Мне сказали, что я могу у вас остановиться.

Со скрипом открылось смотровое окошко, на него уставился карий глаз. И тут же окошко захлопнулось.

– Я вас не знаю. – То есть проваливай.

– Мне нужен Элтон Парракис.

– А, – ворчливо, – так ты один из этих...

За дверью начали поворачиваться замки, отодвигаться засовы, сниматься цепочки.

Дверь распахнулась. Ричардс увидел костлявую женщину с плоской грудью и огромными узловатыми кистями. Лицо практически без морщин, чуть ли не ангельское, но чувствовалось, что на ее долю пришлось немало пинков, апперкотов и зуботычин в неравной борьбе с вре-

менем. Возможно, время и побеждало, но она не относилась к тем, кто легко сдается. Почти шести футов роста, даже в шлепанцах, с коленями, раздутыми артритом, волосами, замотанными в банное полотенце. Из-под густых бровей (брови эти напоминали кусты, уцепившиеся за горный обрыв, не поддающиеся ни высоте, ни недостатку влаги) смотрели карие глаза, в которых, помимо ума, читался то ли страх, то ли ярость. Позднее он понял, что от страха, забот, волнений женщина балансировала на грани помешательства.

– Я – Вирджиния Парракис, – представилась она. – Мать Элтона. Заходите.

...Минус 051, отсчет идет...

Она не узнала его, пока не привела на кухню, чтобы заварить чай.

Обстановка этого старого, рассыпающегося, мрачного дома показалась ему до боли знакомой. Те же вещи окружали его и дома: из лавки старьевщика.

– Элтона сейчас нет. – Она поставила на газовую горелку помятый алюминиевый чайник. На кухне было светлее, и Ричардс разглядел пятна от воды на выцветших обоях, дохлых мух на подоконниках, привет от ушедшего лета, черные от въевшейся грязи трещины на линолеуме и комок мокрой оберточной бумаги, подсунутый под протекающую трубу. Сильно воняло каким-то дезинфицирующим средством.

Она пересекла кухню, ее раздутые пальцы копались на верхней полке буфета, пока не нашли два пакетика с чаем, один уже использованный. Он и достался Ричардсу. Тот даже не удивился.

– Элтон работает. – В ее голосе словно слышалось осуждение. – А вы от того парня из Бостона, которому Элти пишет о загрязнении воздуха, так?

– Да, миссис Парракис.

– Они встретились в Бостоне. Мой Элтон ремонтирует торговые автоматы. – Она медленно двинулась в обратный путь к плите. – Я говорила Элти, что Бредли нарушает закон. Говорила ему, что он может попасть в тюрьму, а то и хуже. Он меня не слушает. Он не слушает свою старуху мать. – Она мрачно улыбнулась. – Элтон всегда любил что-то строить, знаете ли... Еще мальчишкой построил шалаш на дереве. С четырьмя комнатами. До того, как они срубили тот старый вяз. Но черный предложил ему построить в Портленде станцию контроля загрязнения воздуха.

Она повернулась к нему спиной и теперь грела руки над горячей конфоркой.

– Они пишут друг другу. Я говорила ему, что это опасно. Говорила, ты можешь попасть в тюрьму, а то и хуже. Он ответил, не волнуйся, мама, мы пользуемся кодом. Он просит двенадцать яблок, я отвечаю, что дяде стало похуже. Я спросила: Элти, неужели ты думаешь, что они не смогут разобраться, что к чему? Он не слушает. А слушал. Я была его самым близким другом. Но все переменялось. Когда он стал мужчиной, все переменялось. Порножурналы под кроватью и тому подобное. А теперь этот черный. Полагаю, они поймали тебя, когда ты замерял концентрацию смога или канцерогенов, и теперь ты в бегах.

– Я...

– Это не важно! – обращалась она к окну. Выходило оно на двор, заваленный ржавым железом, заросший кустами. – Это не важно! – повторила она. – Все дело в черных. – Она повернулась к Ричардсу, ее глаза яростно блеснули. – Мне шестьдесят пять, и я еще была юной девятнадцатилетней девушкой, когда все это началось. В семьдесят девятом черные проникли повсюду. Повсюду! – Она уже кричала. – Повсюду! Ходили в одни школы с белыми. Занимали высокие государственные посты. Радикалы, возмутители спокойствия, мятежники. Я так...

Она замолчала, словно слова исчезли с ее языка. Уставилась на Ричардса, будто увидела его впервые.

– О Матерь Божья, – прошептала она.

– Миссис Парракис...

– Нет! – просипела она. – Нет! Нет! О нет! – Она начала надвигаться на него, задержавшись лишь у разделочного столика, с которого схватила большой кухонный нож. – Вон! Вон! Вон! – Ричардс поднялся и попятился, сначала через короткий коридор, соединявший кухню и гостиную, потом через гостиную.

Он заметил на стене древний телефон-автомат, оставшийся с тех времен, когда в доме жили постояльцы. «Синяя дверь», пансион. Сколько прошло лет? Двадцать? Сорок? До того, как черные вышли из-под контроля, или после?

Он уже пытался через коридор, ведущий из гостиной к входной двери, когда в замке заскрежетал ключ. Оба застыли, словно артисты на съемках, пока режиссер решал, как продолжить отснятый эпизод.

Дверь открылась, вошел Элтон Парракис. Невероятно толстый, с зачесанными назад светло-русые волосы, с круглым детским лицом, на котором так и застыло изумление, в сине-золотой униформе компании «Продажи-покупки». Задумчиво посмотрел на Вирджинию Парракис.

– Убери нож, мама.

– Нет! – вскрикнула она, но на ее лице уже читалась обреченность: она признавала свое поражение.

Парракис закрыл дверь, переваливаясь, направился к ней.

Ее плечи поникли.

– Ты должен заставить его уйти, сын. Он – плохой человек. Этот Ричардс. Из-за него ты попадешь в тюрьму или хуже того. *Я не хочу, чтобы ты попал в тюрьму!*

Она расплакалась, выронила нож, припала к его груди.

Он ее обнял, начал нежно покачивать.

– Я не попаду в тюрьму. Не надо, мама, не плачь. Пожалуйста, не плачь. – Он улыбнулся Ричардсу через ее сгорбленные, содрогающиеся в рыданиях плечи печальной улыбкой.

Ричардс ждал.

– Вот и хорошо, – заговорил Парракис, когда рыдания перешли во всхлипывания. – Мистер Ричардс – давний друг Бредли Трокмортон и поживет у нас пару дней, мама.

Она завывала в голос, и он, поморщившись, закрыл ей рот рукой.

– Да, мама. Поживет. Я отведу его машину в парк и спрячу там. А завтра утром ты отправишь в Кливленд маленькую посылку.

– В Бостон, – автоматически поправил его Ричардс. – Видеоленки отправляются в Бостон.

– Теперь они поедут в Кливленд. – Элтон Парракис смиренно улыбнулся. – Бредли в бегах.

– О Господи.

– И тебе придется бежать! – взвизгнула миссис Парракис. – Только тебя они поймут! Ты слишком толстый!

– Сейчас я отведу мистера Ричардса вверх и покажу ему его комнату, мама.

– Мистера Ричардса? Мистера Ричардса? Почему бы не называть его настоящим именем? Отрава!

Элтон мягко отстранил мать, и Ричардс последовал за ним на второй этаж по прячущейся в тени лестнице.

– Наверху много комнат. – Он уже начал пыхтеть, огромные ягодицы перекачивались из стороны в сторону. – Когда-то давно, в моем детстве, тут был пансион. Вы сможете наблюдать за улицей.

– Может, мне лучше уехать? – спросил Ричардс. – Если Бредли раскрыт, ваша мать скорее всего права.

– Вот ваша комната. – Он открыл дверь в темную конуру, где давно уже никто не жил. Слова Ричардса он пропустил мимо ушей. – К сожалению, удобств особых нет, но чем богаты... – Он повернулся к Ричардсу, застенчиво улыбнулся. – Можете оставаться сколько хотите. Бредли Трокмортон – мой лучший друг. – Улыбка чуть поблекла. – Мой единственный друг. А с мамой я разберусь. Не волнуйтесь.

– Мне бы лучше уехать, – повторил Ричардс.

– Вы же знаете, что из этого ничего хорошего не выйдет. Ваша повязка не провела даже мою мать. Сейчас я отгоню вашу машину в безопасное место, мистер Ричардс. А потом мы поговорим.

И он ушел. Ричардс заметил, что на заднице униформа залоснилась. И остался от Элтона Парракиса только легкий запах вины.

Ричардс чуть сдвинул зеленую портьеру. Парракис вышел из дома, залез в кабину, вылез, поспешил в дом. Ричардса сковал страх.

На лестнице слышались тяжелые шаги, дверь открылась, Парракис улыбнулся Ричардсу:

– Мама права. Хорошего секретного агента из меня не выйдет. Я забыл ключи.

Ричардс отдал ключи, попытался свести все к шутке:

– Половина секретного агента лучше, чем ничего.

Слова его задели больную струну. Комплексы, мучившие Элтона Парракиса, ни для кого не составляли тайны, Ричардс буквально слышал насмешливые голоса детей, которые будут преследовать его до конца дней, как маленькие суденышки – океанский лайнер.

– Спасибо вам, – мягко добавил Ричардс.

Парракис ушел, маленькая машина, на которой Ричардс добрался в Портленд из Нью-Хэмпшира, покатила к парку.

Ричардс стянул с кровати пыльное покрывало, лег, глубоко дыша, уставившись в потолок. От одеяла, подушки, простыней пахло плесенью.

Внизу плакала мать Элтона.

...Минус 050, отсчет идет...

Он задремал, но не заснул. Темнота сгустилась, когда он вновь услышал тяжелые шаги поднимающегося по лестнице Элтона. Ричардс сел, облегченно вздохнул.

Парракис постучал, прежде чем войти. Униформу он сменил на необъятных размеров рубашку и джинсы.

– Я спрятал машину. В парке.

– Ее не разберут по частям?

– Нет. Я поставил охранное устройство. Батарейка и два «крокодильчика». Если кто-то коснется машины рукой или ломом, последует удар электрическим током и вззоет сирена. Сработает как надо. Я собрал его сам.

Он сел.

– А что вы можете сказать насчет Кливленда? – спросил Ричардс (он уже понял, что Элтон обожает повелительные интонации в голосе собеседника).

Парракис пожал плечами:

– Там такой же парень, как я. Однажды встретил его в Бостоне, в библиотеке, вместе с Бредли. Наш маленький клуб борцов с загрязнением. Полагаю, мама вам об этом что-то рассказывала.

Он потер руки, невесело улыбнулся.

– Рассказывала, – кивнул Ричардс.

– Она... немного не в себе, – продолжил Парракис. – Не понимает, что произошло за последние двадцать лет. Всегда напугана. Кроме меня, у нее ничего нет.

– Они поймают Бредли?

– Не знаю. У него целая... разведывательная сеть. – Но встретиться взглядом с Ричардсом он не рискнул.

– Вы...

Открылась дверь, на пороге возникла миссис Парракис. Она скрестила руки на груди, улыбалась, но в глазах стоял страх.

– Я вызвала полицию. Теперь вы должны уйти.

Лицо Элтона пожелтело.

– Ты лжешь.

Ричардс вскочил, склонил голову, прислушиваясь.

Далекий, но нарастающий вой сирены.

– Она не лжет. – У Ричардса засосало под ложечкой. – Отведи меня к машине.

– Она лжет, – настаивал Элтон. Поднялся, почти коснулся плеча Ричардса, но убрал руку, словно понял, что Ричардс не хочет, чтобы его трогали. – Это пожарные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.